

Михаил Антохин

Окраина-обочина

Михаил Аитохин

Окраина-обочина

Шадринск
2008

ББК 84Р7-5

А 72

Антохин М. К.

Окраина-обочина. Стихи. – Шадринск: Изд-во
ОГУП «Шадринский Дом Печати», 2008. – 215 с.

*Автор выражает сердечную признательность
Генеральному директору ОАО «Сургутнефтегаз»
Владимиру Леонидовичу Богданову за возможность
издать эту книгу.*

ПРЕДИСЛОВИЕ

Легко говорить о талантливом поэте, у которого что ни слово, то прямо в цель...

Михаил Кузьмич – человек нелегкой судьбы (а кому в середине прошлого века жилось легко?), и по этой причине вполне обоснованно ставший поэтом, так как такие люди в древние века становились менестрелями, бродячими дервишами, а позже бардами и хиппи...

Он не стал на сторону придворных (притворных) песнопевцев, словоблудов и блюдолизов, выпрашивавших у «власть предержащих» незаслуженные звания заслуженных деятелей «культуры», а как настоящий мужчина и воин «в стане погибающих за великое дело любви» занял свое скромное место на самом опасном участке...

Только за одно это он достоин называться Поэтом...

*«За их просчёты и напасти
Поставят нас с тобой к стене:
Мы – крайние в своей стране!» –*

обращается он к нам стихотворением «Помни!»

*«Как в почёте –
Я прожил в опале,
Под оркестр не подладив гармонь» –*

звучат горечью слова Поэта в стихотворении «Несовместимость».

И, слава Богу, что «не подладил»...

*«Мог бы сбиться я,
Мог бы сорваться...
Но подсолнух так яростно цвёл,
Так он шею крутил от акаций, –
Так, что дрогнул я, и пошёл.
И – ушёл... И свободный, и вольный
Я брожу, где гуляет вода»*

– рассказывает нам Поэт.

*«Вот! Дождались свободы и воли:
Раскидал нас блудливый режим!»*

– подводит он итоги перестройки...

Но, хотя книга названа «Окраина-обочина», она глубоко лирична, и горечь обид за поруганную страну забывается в объятьях любимой...

*«И верю и не верю, что увижу, –
Но кто удержит сердце на приколе,
которое к тебе спешит...»*

Прочитал сонеты книги, и ко мне ворвалась Франция, парижанки и сад Фонтенбло, раскованность чувств и кладбище Пер-Лашез...

Сорок два сонета – целых три венка...

Михаил Кузьмич тонко чувствует связь между названием и содержанием и аккуратно балансирует между лирикой и эпикой, наполняя глубоким смыслом каждую строфу своих произведений.

Используя давно забытые формы, поэт возрождает и возвращает в современную литературу строгий классицизм поэтики лучших представителей серебряного века – недаром же одно из своих произведений он посвятил Константину Бальмонту!

А в заключение великолепной книги стихов М.К. Антохина – сургутского мэтра и виртуоза стихосложения вас порадует строй классиков древнего Востока – Фирдоуси, Хайяма, Рудаки...:

*«Сто тысяч раз обдумывал я мир
И формулу свою соорудил:
Орёл – сонет в голубизне парящий,
А человек – цветок, сонеты говорящий».*

Прикоснитесь к этому цветку внимательно и бережно...

Георгий Ешимов, поэт,
член Союза писателей России.

Жаневы ивовых
предместьй
и поселков

ИВА

Над водою вьётся ива,
Ветви-руки разбросав.
Так тонка и так красива
Заплетённая коса.

Очи – два больших агата
В теплой влаге логовин*, –
Загляделись вдаль куда-то,
В даль мерцающих равнин.

За равнинами – деревни,
В белой кипени сады,
Дух таинственный и древний
Освящает их труды.

Там ночами парни бродят,
Льют гармони перебор,
Хороводы песню водят,
Заходя на каждый двор;

До зарниц, до поздней рани
Не смолкают голоса...
Вот уж ветра бормотанье,
Вот уж вызрела роса...

Ветер кудри ивы гладит
И напевно шепчет ей:
«Эти солнечные пряди,
Эти кончики ветвей

Никому не дам на свете
Ни коснуться, ни помять,
В золотой моей карете
Будешь косы заплетать...»

И от шепота такого
Млеет ива над водой,
Возвышаясь родниково
Над обидой и бедой.

13.01.96 г. 15.11.00 г.

* Логовина – (диал.) низина

ЗДРАВСТВУЙТЕ

Небо в солнечном сиянье,
В сладкой дрёме тёмный лес.
Так и рвётся пожеланье:
Радости Вам и чудес!

Радости – веселья
Горсти,
Чтоб живя в краю ином,
Вспоминали чаще гости
Вас за праздничным столом.

Радости! – ведь радость
Ясным
Делает наш тёмный ум
И приводит нас к прекрасным
Проявленьям наших дум.

И – чудес! Ведь жизнь есть чудо
Созидания Творца.
Наслаждайтесь ей,
Покуда
Ваши теплятся сердца.

Удивляйтесь ей!
Ведь рядом,
Если помыслы чисты, –
Нескончаемые клады
Каждодневной красоты.

Говорите «здравствуй» встречно,
Помня жизненный итог:
Горе – кратко,
Небо –ечно,
И над всеми нами
БОГ.

1966 г.

НА ПРЯСЛЕ

А над Пряслою-рекою
Так прозрачны облака,
Словно пыль своей рукою
Омывала с них река.

Не река, скорее речка,
Заводи, да обмелки;
Но приятнее местечка
Нету в близости руки.

Стонут гуси, крячат утки
Рак о грунт клешнёй шуршит,
И по-прежнему
сверхчутки
Высохшие камыши.

Листья лилий – словно ласты;
В тёмных карчах хлюп и шлёт,
И лягушек мир горластый
Заливается взахлёб!

Воздух заполдень всё суще,
Солнце – жаром на песке...
Не сыскать местечка лучше,
Чем на Прясле, на реке.

1996 г.

НЕВЕСТА

А у нас в предместье
Полная луна.
А у нас невесте
Вольница дана.

Жаркая, как баня, –
Не сойти б с ума, –
Выбирает парня
Девушка сама.

Выбирает строго:
Тот он или нет?
Впереди дорога
В семь десятков лет.

Может, и длиннее
Станется идти.
Девушке виднее,
С кем ей по пути.

А пока, вначале,
Ни слезы, ни сна.
Сердце – без печали,
На душе – весна.

Вольная невеста –
Ивушка в цвету, –
Не отдаст не к месту
Чудо-красоту.

14.01.96 г.

ОБРЕТЕНИЕ

Я брожу по весеннему краю
У полоски веселой воды
И невольно себя вспоминаю
В дальне-дальние годы беды.

Были годы – горьки, как окурки,
И лохмотьями – чёрные дни.
Не дождались мы вещей Каурки,
Оставались на свете одни.

Оставались одни.
И никто нас
Не позвал, не поднял, не повёл,
И колючеопасная зона
Зазывала нас в свой произвол.

Мог бы сбиться я,
Мог бы сорваться...
Но подсолнух так яростно цвёл,
Так он шею крутил от акаций, –
Так, что дрогнул я –
И пошёл.

И – ушёл...
И свободный, и вольный
Я брожу, где гуляет вода;
Смурно-пасмурный,
Гордо-довольный,
Что меня миновала беда.

14.06.96 г.

НА СВИДАНИЕ

Как по знатной по воде
Да на мелкой лодочке
Собирался я весь день
К ласковой молодушке.

Правил я одним веслом
По звезде, по месяцу,
А вода шумит кругом,
Булькает да бесится.

Только я ли забоюсь
Этой зыбкой мороки?
Я к молодке доберусь,
Хоть меня и в море кинь!

Вижу я её глаза,
Кофточку с оборками –
Не поворочу назад –
Пусть вода хоть горами!

Доплыву я, доберусь
На вихлястой лодочке;
До беспамятства напьюсь
Я из уст молодушки.

1996 г.

БОРЕНИЕ

Говорило море:
Поверни назад.
Зря со мною споришь,
Я сильнее, брат. –

Я не колебался –
Плыл и плыл вперёд,
Только улыбался,
Глядя на восход.

С берегом разлуку
Пережил в бреду
И направил руку
Прямо на звезду.

14.01.96 г.

УГАР

Нас качало и гнуло.
Гнёт, качает опять.
И судьба повернула
И попятилась вспять.

Небо ясно и звёздно.
Стало мрачно теперь.
Отворили, да поздно,
Мы запёртую дверь.

По велению рока,
Иль по воле своей
Отошли от пророка,
Прокляли матерей.

Срыли предков могилы,
Обескровили ночь...
Боже, дай Ты нам силы,
Чтоб себя превозмочь.

1996 г.

ТОМЛЕНИЕ

Говорил мне про любовь,
Говорил-говаривал;
Волновал он мою кровь,
Лаской сердце вскармливал.

Я молчала, как могла,
Я таилась, плакалась,
Я сама себя сожгла, –
Да от любви не спряталась...

А теперь – пустым-пуста.
Коробок без спичек я.
Ни к чему мне красота.
Жизнь – кукушья, птичья.

Окуну в ручей глаза,
Гляну в его зеркало, –
Ох, как девичья краса
Без любви померкла.

1996 г.

РАДОСТЬ

Эх, зеленое раздолье,
Голубой шатер небес...
Неосознанною болью
Это всё несу в себе.

Даль в глаза мои сочится,
Губ касаются цветы, –
Не хочу вовек лечиться
От подобной красоты.

Пусть я болен, пусть я болен,
Это ласковая боль
До вселенских колоколен
Наполняет мир собой.

Веют звуки, тают звуки,
Как снежинки на губах;
Чьи-то ласковые руки
Водят песню на холмах;

Улетает песня,
Льётся
По лицу родной земли.
Речка солнечно смеётся
В околдованной дали.

Лес как богатырь былинный,
Встал с копьём наперевес;
На его тропинке длинной
Полно сказок и чудес...

Где-то есть края другие,
Краски – круче и видней.
Отвергаю все торги я –
Хоть и бедного бедней;

Грязь ли, солнце ли отчизны,
Храм, что попран и разбит, –
До последней капли жизни
Буду помнить и любить.

15.03.96 г.

МУРАВЕЙ

Зашептали листья на ветру,
Рыжий муравей подполз к костру,

Левым, правым глазом посмотрел, –
Отошёл, на корточки присел.

Пылом-жаром веет от костра.
Эта бабочка была шустра, –

Отмечает мудрый муравей, –
Не вертесься ей среди ветвей.

Мотылёк ожёгся о костёр.
Муравей от дыма глаз протёр.

И сказал себе он: видно, рок
Стал моей дороги поперёк,

Надо собираться и бежать.
Нервничать он стал и стал дрожать...

Но костер свалился и потух,
И остался прах – холодный пух.

Обошёл он трижды вокруг него –
Не нашёл живого ничего –

И спешит скорей своей тропой
Рассказать семейству про разбой.

15.01.96 г.

ЖИЗНЬ

К вечеру день хмурится,
Хоть ярок
Был с утра. Темнеет гор гряда.
Стал сентиментален я и мягок,
Как и полагается дедам.
Я теперь свободен от работы,
Управлявшей мною столько лет.
Тороплюсь...
Но не осталось квоты
Подтвердить призвание: поэт.
Да и внук меня терзает.
Дача
Ждёт, прищурив грустные глаза,
Думая вопросом озадачить:
Что тут было
Лет полста назад?
Я и сам не знаю, что тут было;
Не достать иглу с морского дна...
Только помню: как меня любила,
Как любила женщина одна!
Как жила она,
Ходила обок,
Как был свет не мил ей без меня.
Если бы в любви я не был робок,
То сгорел бы от её огня.
Но ушли
И молодость, и радость.
Позабылся белозубый рот.
И потрёпанной, как моя старость,
Я мету метлою у ворот.
Заметаю лист, опавший в кучу,
Жгу костёр и жду исхода дня;
Никого не знаю и не мучу,
И никто не мучает меня.

1996 г.

ПЕРЕПОЛОХ

Разбежался ветер с поля,
Ломит иву, гнёт лозу,
Предвещая околотку
Очень скорую грозу.

Туча чёрная клубится,
Жесть грохочет,
Пыль – столбом,
И пошла гроза беситься,
Полосуя мир кнутом!

Хлещет прямо и наотмашь,
Хлещет ливнем по стеклу,
Всё разбросанное
С ходу
Выметает под метлу.

Налетай,
Сметай,
Орудуй
В шхерах,
В душах,
В пасти ям,
Разнеси в куски запруду
В затхлом мире бытия!

16.01.96 г.

НЕСОВМЕСТИМОСТЬ

Разудалые песни пропали,
Голос скрип,
Стух в ладонях огонь.
Как в почёте –
Я прожил в опале,
Под оркестр не подладив гармонь.

Как ни правили,
Как ни гнули
Эти пальцы в чужие лады, –
Только душу совсем оттолкнули,
Только сердцу поддали беды.

Не вместилось свободное тело
В тую сбитую тесную клеть...
А ведь песня звенела,
Летела –
Так хотелось ту песню допеть!

17.01.96 г.

НАСУЩНОСТЬ

Дуют ветры.
Холодные ветры...
Надеваю я шубу,
Унты,
Под унтами –
Горячие гетры,
В лес иду –
Зачерпнуть красоты.

Снег поскрипывает под подошвой.
А в лесу –
Он провалист и рыхл.
Красота не даётся дёшево,
Как и белые шубки зайчих.

Но – я мирный.
Я их не стреляю.
Жизнь лишь Богу дано обрывать.
Я по лесу,
По снегу гуляю;
От простора звенит голова.

Пусть гнусавят охотничьи роты,
Что слонтай я,
Что зять размазни...
Убивать мне противно
До рвоты;
Пусть живое живёт свои дни.

Кто убит,
Тот вовек не воскреснет.
Я хочу в этой жизни земной,
Чтобы каждый
Допел свою песню,
Налюбился,
Наспался с женой.

17.01.96 г.

НА ПОКОЙ

А за речкой – поле.
Лепет тополей.
Не дождаться воли
Душеньке моей.

Я куда ни гляну –
Даль белым-бела.
Скоро уж нагрянут
Гости из села.

То село – погосты.
Прадеды, деды
Зазывают в гости
От лихой беды.

Отказать не смею:
Как-никак – родня.
Молча каменею
На исходе дня.

И смотрю устало
На закат в крови.
Было, да не стало
У меня любви.

Было, да сгорело.
Прах и пустота.
Отсмеялось тело
Белозубьем рта.

За рекою – поле.
Лепет тополей.
Не дождить до воли
Душеньке моей.

17.01.96 г.

ПАДЕНИЕ

Не знаю имени и отчества,
Но вижу частые стопы.
И подтверждается пророчество
О суетливости толпы.

Дворы, и улицы,
И площади
Устали от бегущих ног.
Бегут табунно, будто лошади,
Едва переступив порог.

Какая каша и сумятица!
Какой кругом переполох!
Не оглянутся,
Не попятятся
От крика жертвы
Из-под ног.

Размажут,
Развезут по улице
И мозг, и кровь...
И что там грех!
И кто-то выкрикнет:
Ишь, умница! –
И гадко прыснет
Чей-то смех...

Толпа снуёт –
Как будто опита.
Неслыханная суeta!
Ни в чьих глазах
Не вижу отсвета
Смотрящего на нас
Христа!

ПОЖЕЛАНИЕ

Состарились друзья мои совсем.
Состарились –
Не узнаём друг друга.
А прежде –
Сто очков давали всем
И проходили первыми по кругу.

Какой огонь был в нас.
Какой запас
Энергии, ума, отваги, блеска!
Мы по воде ходили «на заказ»,
Не замочась,
Не вызывая плеска.

Но –
Вот и наше время истекло.
Как истекло и тех, кто перед нами.
Дай Бог, чтоб в душах
Не вскипело зло,
Чтоб не корили нас,
Неся вперед ногами.

Дай Бог и тем,
Кто будет после нас,
Походки легкой и работы умной,
Чтоб и они поверили в свой час,
Что по воде ходить
Не так уж трудно.

23.01.96 г.

ПЕРЕД ЗАРЁЙ

Край небес к рассвету двинулся.
Замолаживает восток.
Месяц в речку опрокинулся
И считает в ней песок.

Не песчинки – золотиночки!
Видно, солнце жарким днём
Замочило здесь ботиночки –
Сплошь сияет водоём.

Тихо дремлет ива старая.
А зелёная лоза,
Хоть сомлевшая,
Усталая,
Но глядит во все глаза.

Как по дну, –
То полосатое,
То чернее мглы ночной, –
Ходит чудище усатое
С красным бивнем над губой.

Страшно ей.
Глаза прикрыла бы,
Да боится и вздохнуть...
А оно взмахнуло крыльями
И нырнуло в свою муть.

Ждёт лоза явленья солнышка,
Пересилив маёту,
Положив на само донышко
Потаённую мечту.

24.01.96 г.

НА ВОСХОДЕ

А на восходе
На воде
Тумана белые разводы
Белее белых лебедей,
Слетевших в розовые воды.

А на заре такая тиши –
Предельное отдохновенье,
Что вечно ропщущий камыш,
Как растворился в сновиденье.

Ничто
Нигде не громыхнёт
В оцепененье ожиданья,
Когда по небу полыхнёт
Лучей высокое сиянье.

26.01.96 г.

РАНЫ

И вот –
Природа оживает.
Проталинка в буртах снегов,
Как будто ранка ножевая
В стерильной белизне бинтов.

Вода собравшаяся
Юрко
Сбегает с плеши бугорка,
Как крови ниточная струйка
На оцарапанных руках.

Две струйки –
Быль и наважденье,
Свой замысел у каждой скрыт:
Одна пророчит зарожденье,
Другая – гибелью грозит.

26.01.96 г.

ТАЙНА

Разбежалась по тропинкам, по дорожкам
И оставила несчитано следов
Чья-то маленькая-маленькая ножка
И утопла в белой кипени садов.

Кто она – малютка-королевна?
Где он – дом и где её родня?
Вдруг над садом закипела туча гневно
И пролилась тёплым ливнем среди дня.

Видно, родственник,
И знатен, и всесилен, –
Не желал малютке той беды,
И настолько ливень был обилен –
Во мгновенье смыл её следы.

Я иду и думаю:
Случайно
Этот ливень выпал или нет?
Неразгаданной осталась тайна,
Что в душе запечатлела след.

Вроде, и не глуп,
И знаю много.
Да, поди ты, в жизни разбери,
Что сулит размытая дорога,
Уходящая за край зари?

Не скорбеть над тайной и не плакать,
Просто жить, как травы и цветы,
Преодолевая твердь и слякоть
На пути познанья красоты.

28.01.96 г.

ПОМНИ!

Кому нужна моя страна,
Где плач и вой, и визг метели;
Где бесконечная война
За власти толстые портфели?
Кому нужна моя страна,
Где, как в гробу,
От несвободы;
Где истина извращена,
Как женщина зигзагом моды?
Где власть,
Психозом одержима,
С цепи спускает кобеля;
Где после каждого режима
Всё начинается с нуля;
Где мнительное европейство
С благоговейностью кликуш
Точит помои фарисейства
В огонь смятенных русских душ.
Кому нужна эта страна,
Где сносят сёла и кладбища,
Где на холодных пепелищах
В содружестве бомжей и нищих –
Сама валяется, пьяна?
Кому нужна? –
Тебе и мне!
Откупятся крутые власти
От пожирающей их пасти,
Сгорят фальшивки на огне, –
А за просчёты и напасти
Поставят нас с тобой к стене:
Мы – крайние
В своей стране!

1996 г.

НАВСЕГДА

Чтоб не познать режим острожный,
Не выпирайся напоказ.
Невероятное – возможно;
Возможно,
Как и всё у нас.

У нас, как водится, превратность
Судьбы
Над нами тяготит.
Мы можем даже вероятность
В невероятность обратить.

Мы знаем: за грехи карают.
И жизнию не дорожа,
Не можем не пройти
По краю
Скалы иль лезвию ножа.

Живёт и в наших душах робость.
Но мы
Не можем, с ней в связи, –
Не перепрыгнуть через пропасть,
Что явной гибелью грозит.

Привыкли мы.
Без пояснений –
Разбой, расстрел, развал основ...
И вянем мы без потрясений,
И скучно жить нам без бунтов.

30.01.96 г.

ОКРАИНА-ОБОЧИНА

Ни завистью,
Ни злом не опорочена.
Зашедшему всегда найдётся хлеб.
Родная, дальне-дальняя Обочина, –
соборница простых людских судеб.

О! Сколько раз
была ты обезглавлена;
разор и голод гнули твою стать;
душа моя, безвестная Окраина,
откуда брались силы снова встать?

Деревни,
хутора,
глухая вотчина
под лесом, среди поля, у реки –
снегами и дождями заморочена
российская Окраина-Обочина
живёт себе забвенью вопреки.

2007 г.

НА ПРОСЁЛКАХ

Поля,
Просёлки,
Перелески;
Над речкой – зелень ивняка;
И звёзды – царские подвески –
Продрогшие на сквозняках.
Дороги выверты крутие,
Как петли заячьих следов,
И до безумия простые
Посадки ягод и садов.
На синем
Светлого окраса
Стада неспешных облаков;
И воздуху – такая масса,
Хоть пей его, как молоко!
Стрекоз прозрачность над осокой,
Стрижей завихренный полёт,
И жаворонок
Так высоко,
Что небо, кажется, поёт!
Пора цветенья золотая
И тихой завязи пора...
Луна
Полой зари
Сметает
Муть с неба, крася вечера.
Горят багровые полотна,
Переливаясь и клубясь;
И так тепло земное плотно,
Как будто дышит на тебя.
О, если б с ним навеки слиться,
Стать невесомым на весу,
И тихо Богу помолиться
За эту венную красу.

1996 г.

ПАМЯТИ И. СЕВЕРЯНИНА

Звездой волшебной осиянен
До появления на свет,
Ты – гений, Игорь Северянин,
Смеющийся над лётом лет!

Ты, Игорь Северянин, –
Гений
Тогда, теперь и навсегда –
И для грядущих поколений,
И для ушедших, как вода.

Ты, Игорь Северянин, –
Гений.
Мы от бессилия орём,
А ты от звучных песнопений
Эпохи признан королём.

Твоё изысканное слово
Среди словесных ворохов, –
Как народившееся снова,
Без сальных пятен,
Без грехов;

Оно и светится, и дышит,
Переливается, искрясь, –
И окружающее слышит,
И с неземным вступает в связь;

Оно связует быль и небыль
В одно звено,
В одно кольцо.
...И видится в вечернем небе
Твоё открытое лицо.

3.02.96 г.

ЗНАТЬ БЫ

Родники выходят на поверхность,
Обжигая ледяной водой.
В мире есть любовь
И есть неверность –
Две струны мелодии одной.

Изредка игрок, пока он молод,
Налегает на одну струну.
Жар сперва,
Потом пустынный холод
Снегом на зелёную весну.

Зацвели сады и вмиг увяли,
Не успев очарованьем стать;
Бедные, откуда они знали,
Что нельзя так рано расцветать!

Что нельзя, поддавшись только чувству,
Рисковать неопытной душой;
Что платить положено искусству
Кровью сердца жаркой и большой...

Но печаль и горе
В неизвестность
Отойдут, как с неба облака.
О дверной косяк опёрлась вечность.
В звёздной пыли на крутых боках.

И поют,
И плачут в полдень дюны.
Души трав сжигает дикий зной.
В сердце,
В сердце скрыты эти струны –
Две струны мелодии одной.

1996 г.

ГОНКИ

По желанью ночи вышли звёзды.
Месяц к белу облачку приник...
Кто-то выбрал путь себе короче
И поехал сразу напрямик.

Кто-то – по окольной,
По асфальтной,
Не жалея далью колеса, –
Всеобъемлющей и всеохватной –
Дымом к крыше –
Жмутся волоса!

Кто приедет первым,
Кто – последним...
Разом им прибыть не суждено.
А на финише стоит посредник,
И ему, конечно, всё равно.

3.02.96 г.

ТАК ВСЮДУ

Выть собакой,
Лягушкою квакать, –
Только б суть, не искомкав, донесть.
Я хочу свою душу оплакать,
Благо слёзы в душе еще есть.

Плачь душа!
На краю мирозданья,
Где гудит огнегубый сквозняк, –
Есть такие же точно созданья
И такая же точно возня.

Как и здесь.
Суетливость, бесчестность,
Зависть чёрная,
Гадливость рук...
Во вселенной, как в комнате,
Тесно,
И в кольцо замыкается круг.

Ни приюта тебе,
Ни привета.
Грозно дышит небесный вулкан.
Да по Млечному мчится карета.
Да клокочет земной океан.

3.02.96 г.

ОЖИДАНИЕ

Скоро,
Скоро зима обернётся
Чёрной грязью
И талой водой.
Как звезда белозубо смеётся,
Месяц в небе такой молодой!

Ясно чувствуется в зарницах
И в бегущих по полю ветрах:
Где-то рядом весна-озорница –
Вся в румянах,
В нарядах,
В кострах.

Каблучки её цокают звонко
По стеклу полированных луж;
В полыхания,
Тонко-тонко
Чей-то голос тревожит глуши.

Он стыдлив ещё,
Он боится
Показаться нескромным,
Пустым...
Печка реже стала топиться,
Стал прозрачнее тёмный дым.

Кот поутру спешит наружу
По кошачьим своим делам;
И хозяйки проворят ужин
На остатках дневного тепла.

В равновесье застыла природа:
Вправо, влево ли сделать шаг...

А в столице «высокая мода»,
А у женщин на взлёте душа.
Уж они-то точны...

Уж они-то
Не пропустят дыханья весны.
Всё короче в клубках тёплых ниток,
И короче тех ниток
Их сны.

Я и сам погружен в ожиданье,
И дрожу от прилива чувств,
И в неслышащее мирозданье
Откровенное что-то кричу.

1996 г.

ФАКТ

Отмаячил день угрюмый,
Вечер вымылся в дожде.
С потаённой странной думой
Я сживаюсь, что ни день.
Что-то мучает, тревожит,
Вызывает боль в висках;
И терзает душу,
Гложет
Безысходная тоска.
Что мне делать?
Ведь не скрыться
От того, что рядом есть;
Чёрной птицей ночь гнездится,
Но в потёмках не зарыться
И завалов не разгресть.
Пусть заткну глаза и уши,
Пусть уйду за край земли, –
Но и там всё те же души,
Та же боль и те же рубли;
Тот же плач и те же вопли,
Тёмные морщины шей,
И размазанные сопли
На мордашках малышей.
Их глаза – прекрасней неба!
И бросается из них
Крик безмолвный:
«Хлеба!.. Хлеба!» –
Что
среди людской возни
Неотложней и важнее?!

Но, кто сыт – на ухо тут.
Всё ничтожней, всё страшнее
Беспощадный жизни круг.

1996 г.

ОТРАЖЕНИЕ

Как луна сияет,
Как она
Осыпает золотом и медью;
Как трава полночна полна
Загустевшим серебром и седью.

Ровная, без шума и следа,
Источая ароматный запах, –
Зашаталась на лохматых лапах
Там, где след
Пробила борозда.

У дорог, у тропок, у камней
Густотой не уступая гривам,
Травы, как на цыпочки привстав,
Наклонились будто над обрывом...

Так и мы,
Когда нас подопрёт
Горе или силища чужая –
Топчемся, – ни взад и ни вперёд,
И друг друга не опережая,

Словно бы решивши:
Так и быть!
Помирать уж если –
То всем миром...
А луна, как в пору молотьбы, –
Сыплется соломенным сапфиром;

Сыплет бриллианты и янтарь,
Обдавая сёла белизною...
Так и есть, как было прежде,
Встарь, –
Ничего не ново под луною.

1996 г.

ДЕРЕВНЯ

Буянит ветер в проводах:
Срывает крыши, гнёт деревья...
В кои века, в кои года
Хоть кто-то думал о деревне?

Хоть кто-то, пусть и горячарь,
Войдя в правительские кланы, –
Сказал: «Настал твой день и час,
И мы залечим твои раны?» –

Какая власть, деля пирог,
Тебя бы ни отодвигала
В запечный угол,
За порог,
А то и вовсе – прогоняла?!

Подобной власти на Руси
И не велось и не ведётся,
Хоть каждая из них
Клянётся:
Пришла давать, а не просить.

Не просит –
Всё берет сама,
До бед твоих ей нету дела.
О, как ты не сошла с ума?
О, как ты рано поседела!

Деревня – Корень золотой
Российской совести и чести, –
До смерти быть с тобою вместе,
К тебе вернуться на покой,

И, осмотрев привычный круг
Почти холодными глазами, –
Лечь на скамью под образами,
Под осененье твоих рук.

11.02.96 г.

В ЗИМНИЙ ДЕНЬ

А день действительно чудесен!
Сверкают свежие снега.
Над ними – и ни выюжных песен,
И ни ступала в них нога.

Лебяжьей белизны постели
Невесту ждут и жениха...
А где-то буйные метели
Космато ходят возле хат:

То к небу прах столбом закрутят,
То белой пылью опадут,
То под завалинкой закурят
И дымной струйкой проползут.

Но это – там.
А тут – сиянье
Небес и лиц, окон и глаз!
Проснувшиеся россияне,
Забросив теплоту угла, –

Нараспах шубы,
Полушубки;
Крылами огненными – шарф,
И – игры, песни, пляски, шутки,
И – настежь сердце и душа;

И – взгляд лукаво-вороокий,
И, словно пламень на снегу, –
Детей пылающие щеки –
Всё валят,
Кружатся,
Бегут!

Порыв и радость в лёгком теле;
И гвалт, и смех, и тесный круг, –
Как продолжение метели,
Как ликованье белых вьюг!

11.02.96 г.

ИСПЫТАНИЕ

А океан вставал ребром
И опускался вниз –
Провалом;
Кругом – ветра, вода и гром,
И вал накатывал за валом.

Корабль кидало,
Как рука
Кидает горстку хрупкой плоти;
Сплелись
Вода и облака,
Как одеяльные лохмотья.

Вонзались бивнями гроза
В корабль,
Как в продолженье суши.
И не нужны были глаза,
Ещё ненужней были уши.

В ревущих,
В стонущих горах
Воды, поднявшейся на дыбы, –
Витали смерть, борьба и страх,
И всех названий перегибы!

Я знаю:
Трудно перенесть
Подобный ад, ютаясь в потёмках.
Но пережившим это –
Честь
И слава в будущем,
В потомках.

12.02.96 г.

НА КРУГУ

Июль,
Настоянный на травах,
Дышал дурманом и жарой.
Я дерзок был в своих забавах,
Но запрещал себе разбой.

И ты, отчаянная,
Так же
Была дерзка и хороша;
Не поддавалась дикой краже
Твоя весёлая душа.

Бывало,
Выходя из круга,
Не обижаясь на укор, –
Не дополняли мы друг друга,
А как бы шли наперекор!

За днями дни, клубясь,
Летели,
Палила ночь свои огни...
Мы – счастливы, –
Что мы не тлели –
Сгорали, как и эти дни.

И вот, порой уже на склоне
Катящихся горохом лет,
Замрём с тобой в земном поклоне
За то, что были на Земле.

13.02.96 г.

НОЧЬЮ

Над заснувшей деревней
Светлый месяц стоит,
Всё нежней и напевней
С ним душа говорит.

Говорит не словами, –
Чутким звуком струны,
Да ещё соловьями
Подоспевшей весны.

На деревне так тихо –
Слышен шорох звезды:
Обмерла соловьиха,
Заглядевшись в кусты.

Серебром и сияньем
Вышил каждый листок;
Захлебнулся молчаньем
Говорливый восток.

Звёздный плавает ребус,
Голова – как во мгле:
То ль земля идет к небу,
То ли небо к земле.

Красотою сморённый,
Весь в небесной пыли, –
Вижу лик просветленный
В осиянной дали.

1996 г.

НУЖДА

Чтоб как-то выжить,
Как-то пережить
Разбоя, рока и судьбы стеченье, –
Идут поэты публику смешить,
Забыв призванье и предназначенье.

Идут поэты...
Бог им судия.
Они ведь во плоти,
Живые люди...
И не беда, что с ними не был я,
Никто меня за это не осудит.

Идти другим путём я не гадал.
Я знал:
Для дела нужно много пота.
И если я порой не голодал –
То день и ночь по-чёрному работал.

А слово –
То, что лезло из меня,
Что жить хотело, вырвавшись без чека, –
Я проверял на действии огня –
Коль не сгорало –
Пусть живет два века.

А публика...
Она всегда права,
И ей плевать,
Что там вещают свыше.
Она – пуста.
И ей нужны слова,
Которые она желает слышать.

16.02.96 г.

ПРЕДМЕСТЬЕ

Предместье –
Ни село, ни город, –
Подножье пышных городов.
Где летом – пыль,
Зимою холод,
И перехлёсты проводов.

Где крыши – плоски,
Стены – тонки;
И живописью на холсте, –
Водоразборные колонки
Есть центр всесветских новостей.

Где души – настежь,
Двери – настежь;
Один общественный запой,
А если горе или ненастье –
Переживают всей толпой.

Где и любви, и рыбьи сети
На каждом хиженном дворе,
И где заброшенные дети
Домой приходят на заре.

Беда и боль здесь
Высшей пробы,
Жестоки радость и борьба,
И только нету чёрной злобы,
Какой бы ни была судьба.

18.02.96 г.

В ПОЛЕ ЗРЕНИЯ

Прошлое, как пропасть,
Душу леденящее
Скрежетом и громом кованых когорт.
Говоря о прошлом,
Помни настоящее,
Это настоящее из него растёт.

Что там, за горами,
Пристально смотряще,
Взглядом прожигающе толщу снегов?
Говоря о будущем,
Помни настоящее,
Будущее в главном
Повторит его.

Прошлое... будущее...
Пропасть и вершина.
Мы – на перевале.
Рядом – никого.
Там внизу, под нами,
Грозные дружины,
На вершине – Ангел –
Только и всего.

18.02.96 г.

СБЛИЖЕНИЕ

Запела птичка-невеличка:
Один мотив, один припев.
Мне так твоё приятно личко,
Стою пред ним как бы прозрев.

Поёт свободная певунья
Всего два слова,
Один слог.
Но ясно,
Как при полнолунье,
Как черный на снегу
Платок.

Что в пенье?
Боль? Свиданья ль сладость?
Желанье ль дом скорее свить?
Как воскрешает сердце радость
Вот это хрупкое: «Фью-ить».

И, отрясая грозди гнева
Давно созревшие в крови, —
Душа от этого напева
Готова к встрече и любви.

20.02.96 г.

ОБМАН

Вот и всё...
Отжила, отболела
Моя самая горькая боль.
И душа вдруг оставила тело –
Пережил я разлуку с тобой.

Пережил...
Только стоит проснуться,
Или стоит ресницы смежить, –
Неизвестно откуда берутся
Твоё имя и облик; И жить

Начинают во мне, не спросившись.
Что-то делают, что-то творят,
И как феи, у ног опустившись,
Говорят... говорят... говорят.

Это имя...
Не делая шагу
Без него, с каждым вдохом – шептал.
Как чернила впитались в бумагу,
Так его в свою кровь я впитал.

Надломился в душе моей стержень.
Я закрылся, угрюмел, рыдал...
Как цветок аромат в себе держит, –
Так его на устах я держал.

И, как воин,
Истерзанный битвой,
Вмятый в толщу земли,
Говорю:
Твое имя мне было молитвой,
Твоим именем звал я зарю. –

Вот и всё...
За цветущие поймы
Ты ушла под напевы других.
Как ненужный патрон из обоймы –
Выпал я из объятий твоих.

23-24.02.96 г

БЕЗ НАС

Куда?.. Откуда?..
Не понять вовек.
Кто гонит их? Кем посланы?
Всё глухо!
Сидит на лежень-камне человек,
Боязненно направил к небу ухо.

Что слышит он?
Что видит он впотьмах?
Врата небес – как вход в родные сени.
А в этот миг
В ресниц привычный взмах
Свершаются миллионы потрясений!

Рожденье и крушение миров
В незримое мгновенье происходит,
И к нам из мироздания доходит
Игрой свечений и крутых паров.

Несутся в темноте и пустоте
Указанной Создателем дорогой,
Неся огонь во лбу и на хвосте,
Сшибаясь лбами в жуткой тесноте,
И, может быть, проходят под порогом...

Вот так и мы.
Мелькнём живым огнём
И вдаль уйдём навечно,
Без возврата...
Без нас состарится тоскующая хата,
И зарастёт без нас
Кипящий водоём.

23-24.02.96 г.

ЧЕРЕДА

Хотя мы ещё не ослабли
И видим пронзительный свет, –
Нас время съедает по капле,
Бросая идущим вовсю.

Зелёное сменится жёлтым,
А жёлтое – в серость и тлен;
Живое становится мёртвым
В бессрочной череде перемен.

Приходят... проходят... уходят...
И так – без конца... без конца...
Так годы нещадно выводят
Румянец с родного лица.

25.02.96 г.

КОВЫЛИ

О, сколько силы в тонких ковылях!
Века идут –
Они всё те же, те же.
А мы пришли и превратились в прах,
От тления ничто нас не удержит.

И, в удивлении глаза кругля
И развлекаясь нашими костями, –
О нас не помнят небо и земля,
Что были мы когда-то их гостями.

Но, обладая памятью земли
И сохраняя древние погосты, –
Пришедшему расскажут ковыли
Каких прошедших
Были эти кости.

1996 г.

НИВЫ

Какие вдохновенные поля!
В каком согласье тонкие колосья!
О, Матерь жизнь дающая
Земля,
Как здесь твоё желанье удалися!

Ни для кого
Ты не жалеешь сил
И горько плачешь, если дети худы;
И нет того,
Который бы просил,
А ты отвергла.
Полные сосуды.

У тех, кто хочет,
Кто желает,
Кто
Встаёт с зарёю и с зарёй ложится;
Кто воду не собирает в решето,
Кто на тебя не устает молиться.

Колосья хором песнь тебе поют.
Мелодия –
Волшебнее не снится, –
Когда зерно комбайны в кузов льют
И от улыбок прозревают лица.

28.02.96 г.

ПЧЕЛА

С цветка летая на цветок
И распевая упоённо, –
Нектара капельный глоток
Пчела собирает целодёшно.

Растянутая от щедрот,
Преподнесённых буйным маём, –
Она, работая, поёт,
Что кладезь их неисчерпаем.

И ничего желанней нет
Её янтарного полёта, –
Лишь были б
Солнца яркий свет
Да звонко-знойная погода.

28.02.96 г.

У МОГИЛЫ

Изваянием – кожа да кости,
От печали сошедший с ума, –
Одиноко стою на погосте,
Где моя похоронена мать.

Вот он, холмик, изрытый болью
Так, что травам негде расти;
Опускаюсь к её изголовью
И шепчу, как в припадке:
– Прости... –

Лбом сминаю комкастую землю,
В горле
Каменным клёкотом
Взрыд.
И – сквозь боль и рыдания
В немлю:
Будто голос её говорит.

Будто дальне-далёкое эхо,
Будто почва просадку дала:
– Ах, сынок! Не успел ты приехать...
Как ждала я тебя...
Как ждала...

До последнего дня, до минуты...
Не виню, что к живой не успел;
Там у вас несусветные смуты,
Там у вас столько дел,
Столько дел...

Голос глох,
Утончался,
Свернулся...

Я тянулся к нему, сколько мог.
Но очнулся и отшатнулся,
И вскричал, в окруженье упрёк:

– Вот!..
Дождались свободы и воли:
Раскидал нас блудливый режим!
Мы теперь –
Как перекати-поле –
Вслед за ветром бежим и бежим!

Селевого потока проворней
Захлестнула нас глупость во зле:
Мы лишились основы,
Корня...
Что без корня мы на земле?! –

Но на возглас никто не ответил.
Ни души, ни дымка – за версту.
Как с похмелья –
Блуждающий ветер
Пьяно падал в подножье кресту;

Звякнул там перержавленной жестью,
Тут калиткой рассохшей скрипнул
И – ушел...
А вокруг, по предместью,
Отдалённый проскальзывал гул,

Подымаясь с колен от порога,
В небеса он упёрся главой...
Оборвалась ли в бездну дорога,
Иль сомкнулся погост мировой?

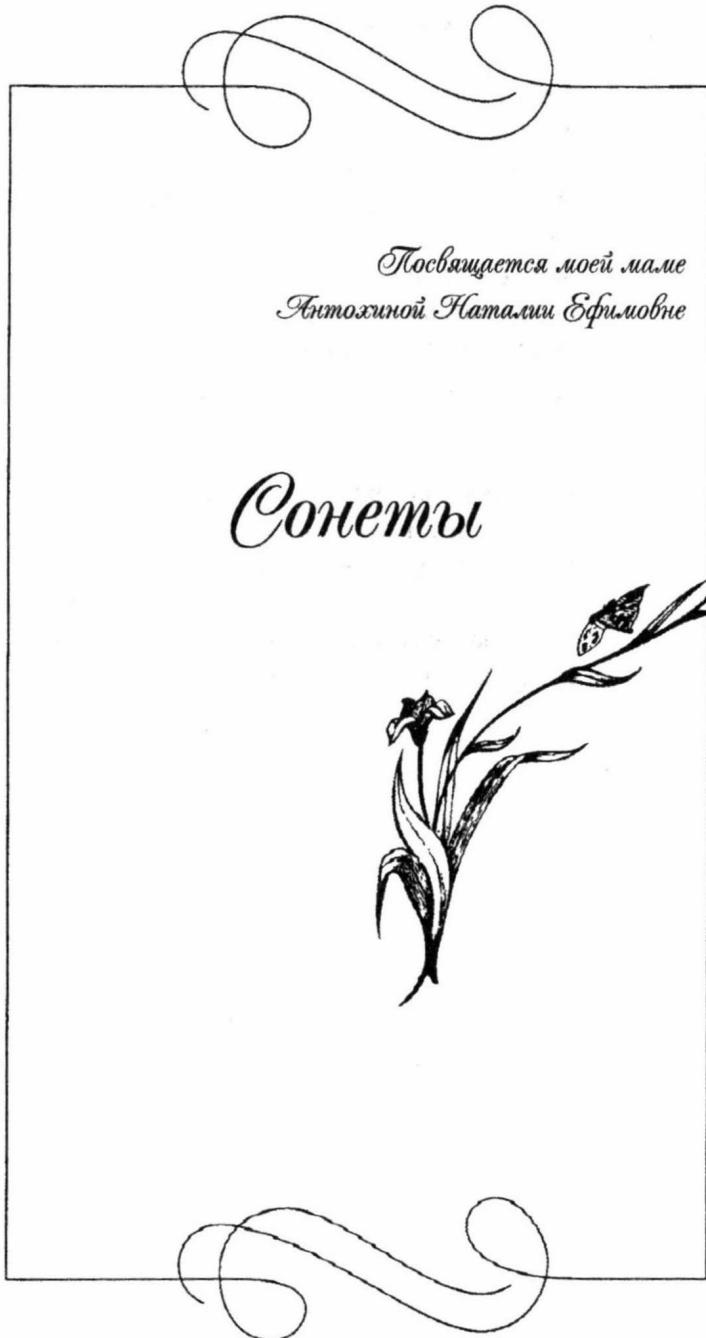
Измочаленный,
Кашек беремок

Разбросал на том холмике я,
Изготовленный к язвам издевок
Непрощающего Бытия.

1996 г.

*Посвящается моей маме
Антохиной Натальи Ефимовне*

Сонеты

СОНЕТ № 1

Тебя я вижу очень молодой.
Тебе не больше двадцати, пожалуй.
За маревом, как будто за водой,
В ромашках вся, – ты по лугу бежала.

Тобою ясный окольцован день.
О, как ласкал он молодые плечи!
Но, постепенно удлиняя тень, –
Его отодвигал ревнивец-вечер.

В тебя их двое были влюблены,
И ты любила каждого особо,
Хотя ходила в звании жены
И третьему была верна до гроба.

И вот на свете я который год
Живу любви твоей с тем, третьим, плод.

СОНЕТ № 2

Ты проходила по большой траве,
Горели росы на ногах разутых,
И жаворонок в лёгкой синеве
То падал вниз, то подымался круто;

И, кажется, на солнце он сверкал
И сам казался солнечною каплей;
Как хрусталия чистейшего бокал –
Звенел в честь той, что называлась Натальей.

И, пением его упоена, –
Ты замирала средь травы высокой
И восторгалась, радостью полна,
Тем, что текло в слезящееся око.

В тебе таилась красоты той власть –
И вот она в меня перелилась.

СОНЕТ № 3

В тебе всегда избыток солнца есть.
И, если даже долгий дождик капал, —
Мне надо было пред тобою сесть —
Как тень моя ложилась тут же на пол.

И озарялась комната вокруг,
И воскресало шелестенье веток,
И каждое твоих движенье рук
Обозначалось как движенье света.

Лишь волосы чернели, как гроза.
Но не было и тени в той печали,
Когда сияли синие глаза
И синевой пространство освещали.

Так мне и в детстве, и на склоне лет
Путь освещает твой душевный свет.

СОНЕТ № 4

О нет! Там не кончалось божество
И красота на миг не угасала,
Где рук твоих весёлых волшебство
Над будничностью серою витало.

До янтаря сосновый тёрла пол,
До цвета неба промывала стёкла –
И низкий дом весенним лугом цвёл,
И ни одна ресница в нём не мокла;

Лиши радостью до выси потолка
Он был наполнен, словно улей мёдом;
Любви и ласки синяя река
Катила волны в нём своим черёдом.

И я в тех волнах нежной рыбкой плыл,
Тебя любя, тобой любим я был.

СОНЕТ № 5

Кончалось поле в синих васильках,
Вода томилась в глубине колодца;
Себя я вижу на твоих руках,
Подбрасывающих меня до солнца.

Не помню: был ли в сердце моём страх,
Когда от рук твоих я отрывался;
Я над тобой парил и улыбался,
И утопал в сияющих глазах.

А день всё больше набирал тепла.
За облаками синь небес текла
И обходила их, и в них терялась;

И ты меня подбрасывала к ней,
Ловила и ласкала всё нежней,
Как будто век назад со мной рассталась.

СОНЕТ № 6

О, как тогда черёмуха цвела,
Как розы ослепительно сияли!
Ты за руку меня с собой вела,
Где люди удивлённые стояли.

Но торжество твоих счастливых глаз
И сердца молодого ликованье
Пусть на какой-то невеликий час
Затмили роз небесное сиянье!

И люди отвернулись от цветов
И на тебя смотрели как на чудо,
Пришедшее неведомо откуда,
Хоть прожила меж них ты тьму веков;

Твоё сиянье им легко понять:
Ты молода, ты счастлива, ты – мать!

СОНЕТ № 7

До моего задолго бытия,
Когда и ты была ещё девчонкой,
Скажи, тебе тогда не снился ль я –
Уже любимый первенец-мальчионка?

К себе не призывала ль ты меня,
Когда, уткнувшись в пуховой постели,
Ты чувствовала токи в нежном теле,
Пронзившие тебя как стрелы дня?

В томительной бессоннице ночной
Не я ли за твою головой
Стоял и навевал в уста улыбку?

Счастливая, ты видеть не могла,
Как пред тобой меня скрывала мгла, –
Кто в омуте мечты заметит рыбку?!

СОНЕТ № 8

В синеву возвысила глаза,
Навстречу ветру распахнула руки:
Ты небу что-то силилась сказать,
Или сама ловила неба звуки?

Напряжена до звона – как струна,
И кровь в висках звенела, и качала
Тебя её упругая волна,
Как будто ты толчками сообщала

Вселенной, Мирозданию всему
Твоё лицо, твою улыбку, имя, –
И сообщенье волнами тугими
Кругами уходило в синеву

И возвращалось, получив ответ,
Сияньем звёзд и отблеском комет.

СОНЕТ № 9

В твоих глазах я не терял любви –
Они всегда её жилищем были.
Мир принимал порой разбойный вид,
Но и тогда они его любили.

Они, наверно, видели вперёд:
Передерутся взрослые, как дети,
И вновь любовь из их сердец сойдёт
На города и на селенья эти.

И сбудутся давнишние мечты
О поле, что готово колоситься,
О дождике, которому пролиться
Пришла пора на пашни и цветы.

Как родилась, того мгновенья ждёшь,
Сквозь боль и грусть,
и скорбь к нему идёшь.

СОНЕТ № 10

Ни моря не видал и ни гор ты
И только поле знаешь наизусть,
Которое тебя взрастило гордой
И к гордости дало печаль и грусть;

И добротою щедро наделило,
Само оно – сплошная доброта;
И стойкость у тебя его, и сила,
Когда беда окажется у рта.

Чем ты богата – всё в тебе от поля.
Когда пробьёт твоей кончины час –
В последнем взгляде будет твоя воля:
Чтоб это поле жить осталось в нас;

Любимая, скажу тебе заране:
Оно во мне, как и твое дыханье.

СОНЕТ № 11

И день пришёл: назначили отъезд.
И ты совсем, цветущая, поблёкла.
Зачем-то спешно протирала стёкла,
На ставнях мелом рисовала крест.

Оглядывала даль села окрест –
И горьким блеском наполнялись веки.
Ты отрывалась от родимых мест
И знала: не вернёшься к ним вовеки.

Ты знала: сшибленный ветрами плод
На высоту уж больше не взойдёт,
Лишь помнить будет: что там был когда-то;

И ты, ему подобно, отошла
От места, где родилась и цвела
В смятении, в слезах и – безвозвратно.

СОНЕТ № 12

Меня за руку, брата на руках
Несла ты, утомлённая, к подводе.
Конь глянул на меня, тряхнув поводья,
И я себя узрел в его глазах.

О, как тогда меня подрезал страх!
И я остолбенел, остановился
И от твоей руки я отделился,
И крик испуга вспыхнул на устах.

Ты что, сынок! – ко мне метнулась ты.
А я, как мел, белел из темноты,
Вцепившись, как в спасенье, в бабу Лизу...

Телега покатилась от села.
Потом катилась поезд от Орла –
Мы с севера на юг катились,
Книзу.

СОНЕТ № 13

Колёса считали количество стыков
То чаще, то реже, как бы уставая;
Земля развернулась во множество ликов –
Лесная, и водная, и полевая.

Вечернею позднюю и утренней ранью
В окно полыхали огнистые зори;
А днём – облака – то как стадо баранье,
То словно дворцы на небесном просторе,

Потом они стали в зверей обращаться;
А я от окошка не мог оторваться,
Совсем забывая про пищу и сон;·

И мама порой приникала к окошку,
Тихонько жевала сухую лепешку
И всё повторяла: как в церкови звон.

СОНЕТ № 14

А вот и хутор.
Душно-липкий вечер
В полнеба распростёр свои крыла.
Чужбина придавила наши плечи,
Вдавила в землю и, как плетью, жгла.

В нас втискивался жадный глаз села,
Собравшегося, словно на смотрины;
Он взвешивал нас, будто половины,
В ладонях оказавшегося зла.

Приезжие – чужие средь чужих;
Почти забывши про себя самих, –
Мы каждому движенью их внимали;

Мы слова не осмелились сказать,
От взглядов их мы прятали глаза
Как виноватые, – а в чём? – не знали.

СОНЕТ № 15

Ни свет и ни заря – вставала ты,
Порой и петухи ёшё не пели;
А тёплый дух струился от плиты
И согревал нас в утренней постели.

Шипя, сырье головешки тлели.
Иль видел я, иль чувствовал, как ты
Металась по избе без суеты,
Во тьме, вслепую, –
Руки всё умели!

Мы просыпались... солнце выше окон;
Из чугунка струился пара локон,
И молоко в стаканах на столе;

А ты давно уже была на дойке,
На вязке ли, на стрижке, на прополке,
А может – и наездницей в седле!

СОНЕТ № 16

Настала чёрных дней твоих пора.
Неотвратимо, во мгновенье ока
Пришла война и с каждого двора
Взяла кормильца властно и жестоко.

Остались бабы.
Вечна на Руси
Присохшая коростой бабья доля;
Изрыто сердце, как копытом поле,
Душа иссохлась — нечем голосить.

Краснее зорь сухие их глаза,
Темнее сумерек осенних лица,
Платками, как бинтами, сжаты лбы;

Их губы сведены в одну полоску,
Их рты забиты языков камнями,
Во всём презренье — и ни в чём мольбы.

СОНЕТ № 17

Беда в страну приходит не одна.
И в каждый дом их целый ряд плетётся,
Явившихся откуда-то со дна, –
Никто от их объятий не спасётся.

Она над нами будто бы смеётся!
Как нехотя, в кого-то бросит взгляд –
И вот уж крылый пёрышки дрожат,
И всё живое перед ней мятётся.

Едва смогли мы место обогреть,
Как нас постигла бабушкина смерть –
И обратила в лёд сердца и души.

Тяжёлым шагом двигалась война,
Уже с пригорка виделась она, –
Но плач о бабушке терзал мне уши.

СОНЕТ № 18

Поля страдают – зной их иссушил.
А ты страдаешь оттого, что голод
Нам рёбра оstryями обнажил
И что на шее, как на палке, ворот;

Что руки наши тоньше хворостин,
Что ноги – две криулины-будылки,
И что над нами острые затылки,
Усыпанные сеткою морщин.

Бесхлебье, безземелье и бескровье,
И безотцовщина, и бескоровье, –
Как ты смогла всё это перенесть?

Какая сверхъестественная сила
Была в тебе, что ты нас сохранила,
Себе не позволяя пить и есть?

СОНЕТ № 19

Тянулось время голода, как вечность,
И так же долго холод мучил нас;
И лишь молитва, вера и сердечность
Поддерживали жизни нашей час.

На грани смерти были мы не раз,
Играя то патроном, то снарядом;
И для тебя то время было адом, –
Хотя оно так радовало нас!

Тебя слепой охватывал порыв,
И ты бежала на оглохший взрыв,
Не ведая опасности и страха;

Звала нас криком!
Ну, а мы, трясясь,
С разбитых лиц соскабливали грязь
И утирались рваною рубахой.

СОНЕТ № 20

Шел сорок третий год того столетья.
Европа сплошь охвачена войной.
На мир лишь из окопа мог глядеть я, –
Окоп нам был родней, чем дом родной.

И ясным днём, и в темноте ночной,
Заслышав гул немецких бомбовозов –
Летели мы, как куры от навоза,
Когда к ним коршун подлетел стрелой.

В темноющий лаз бросались мы нырком
И скатывались в яму кувырком,
Затискиваясь в мякоть одеяла;

И, за собой прикрыв дерюгой лаз,
Наощупь ты отыскивала нас
И стонущих собою прикрывала.

СОНЕТ № 21

Несспешно подходил одиннадцатый час,
Как вдруг раздался треск пустой бутыли;
И мамино лицо, – я вижу как сейчас, –
Белее миткаля; и с нею мы застыли.

Какая-то беда нас стала угнетать.
А к вечеру – и страхи, и тревогу
Влила в нас курица, что стала вдруг кричать
По-петушиному, идя к порогу.

Не раздеваясь, не туша лампады,
Метали мы невидимые взгляды
Во все углы, переживая тьму;

А утром, вдруг письмо – как избавленье:
Я в Кисловодске. Ранен. На леченье. –
Оставив нас, ты ринулась к нему.

СОНЕТ № 22

Металась ты как между двух огней.
Ты походила на большую птицу,
Успевшую едва лишь приземлиться,
Взглянуть на ненакормленных детей

И вновь взлететь; и до ночных теней
Опять к оставленному возвратиться,
Пот отереть, подать воды напиться, –
Так день за днём, и много-много дней.

Твоё старанье не пропало зря,
И в первой половине сентября
Израненный отец домой вернулся;

Он заново ходить учиться стал,
И день, когда без костылей он встал, –
Для нас в весёлый праздник обернулся.

СОНЕТ № 23

Ты так хотела, так хотела, чтоб
Я не покинул отчего порога;
Но, спривившись и окрестивши лоб,
Сказала, подтолкнув:
– Иди, сыночек, с Богом.

Я был обласкан разными людьми
И ими же оболган и отвергнут;
Но не скажу:
«Пусть холмы пасть разверзнут» –
Там, где пройдут обидчики мои.

Меня учила ты не помнить зла,
Добром платить за мелкие обиды,
Беду от друга отводить рукой;

Запомнил я твою науку, мама.
Когда душа моя – сплошная боль –
К тебе я прибегаю и взываю.

СОНЕТ № 24

Смотрю на потемневшие черты:
О, как резцом жестоко время водит;
Но что ни день – мне всё милее ты,
И нежностью к тебе душа исходит.

Боюсь высоких слов! О, мать моя,
Ты по земле прошла, не поднимаясь,
И ниже никогда не опускаясь, –
Жила ты ею, плача и смеясь..

Не знала ты иного ремесла,
Как землю засевать добром и лаской,
Легко неся нелёгкую поклажу;

Смотрю на потемневшие черты:
Твоим морщинкам счёта уже нет,
И их, как ни люби, я не разглажу.

СОНЕТ № 25

Для меня ты остаёшься прежней:
Память моя помнит о тебе
Как о самой лучшей, самой нежной
Женщине под куполом небес.

В свете, может быть, и нет чудес.
Только я всё больше верю в чудо:
Думаю – спустился КТО оттуда,
Как через ограду перелез, –

Души и сердца соединил
И своей рукой сопроводил
За ничтожных распрай перекрёсток;

И, быть может, смотрит по сей день
На непропадающую тень
Женщины, и рядом с ней – подросток.

СОНЕТ № 26

Нет ничего, чего б ты не смогла.
Когда, входя, ты дверь приоткрывала,
С моей души, как сон, стекала мгла
И с глаз как бы сползalo покрывало.

Я как бы пробуждался, прозревал
И видел то, что чувствовал лишь прежде,
И вопреки несбыточной надежде
Там побывать – как будто побывал.

И с высоты такой, что и Земля
Казалась мне всего лишь хлебной крошкой,
Застрявшeю в расщелине стола, –

Тебя я видел скорбной и печальной,
Согбенною, с тревожными руками,
В глубокой думе – ты меня ждала.

СОНЕТ № 27

И вот опять стою перед тобой,
Как прежде я ищу в тебе опоры,
И только, не как прежде
Снизу вверх,
А сверху вниз смотрю я на тебя,
Мама.

И с высоты и возраста, и роста
Хочу дотыться и хочу понять:
Откуда силы в сердце у тебя,
Что не дают согнуться мне под ношей?

Ответа нет. Лишь влажные глаза,
Наполненные радостью и счастьем,
Раскрылись так, что видится душа
Огромная, бескрайняя,
И в ней –
 как во Вселенной
Сполохи играют.

СОНЕТ № 28

Твоё лицо –
Подобно складкам гор:
В лошинах – темень, на хребтах – свеченье;
Застыло всё; лишь соучастный взор
Хранит души живое излученье.

Когда же правнук, мелко семеня,
Идёт к тебе или проходит мимо, –
Меняется оно неуловимо,
Как ржавое железо от огня.

И там, где ночь и мрак сошлись,
Любя,
И их постель – бездонная пучина, –
Зарделось что-то прежнее тебя,
Когда такого ж ты держала сына, –

И понял я: лицо твоё во мне,
Как неба свет, продолженный в окне.

СОНЕТ № 29

Смотрю на руки...
Ничего нежней
Я в этом мире рук твоих не знаю;
На них мозоли всех на свете жней,
И скорби всей земли на них узлами.

Их обессилил сына ранний гроб,
Измял их труд, изъела их работа,
Ирезала морщинами их скорбь
И вечная не о себе забота.

Уже едва заметно их тепло.
Но только ты щеки моей коснулась, —
Как от ожога — сердце встрепенулось, —
И стало вмиг просторно и светло.

О, мать моя!
Что я без рук твоих? —
Не воин я, не муж и не жених.

СОНЕТ № 30

Ты чаще то печальна, то грустна,
А радоваться вовсе перестала;
Давным-давно прошла твоя весна,
И с летом ты давно уже рассталась.

И осень на исходе. Лишь зима
Всё ближе надвигается безбрежьем,
Безмолвием; и ты уже сама
Вся белая, лишь имя веет прежним

Огнём твоей семнадцатой весны
И ароматом спелого июля...
Всё было так давно,
Что даже сны
От глаз твоих в небытие шагнули;

Всё растворилось... Всё – одна трава...
Но ты жива, – в моих словах
Жива.

СОНЕТ № 31

И над тобою грянула гроза:
Лишилась сразу слуха ты и зрения.
Глядят с угла святые образы,
Как бы твоё испытуя терпенье.

Покорная судьбы своей теченью,
Ты кротко приняла её удар;
Ужели есть еще страшнее «дар»?
Кто знает, что скрывается за тенью.

И шум мирской, и ангельское пенье –
Теперь лишь сердца твоего уменье –
Воспринимать. Оно и слух твой и глаза.

А мир, как океан, кипит и дышит,
И бедами невиданными брызжет,
И до дерев спускается гроза.

СОНЕТ № 32

Твоя совсем остыла красота.
Ты высохла. Лишь теплится дыханье.
Уж редко открываются уста
Для малых просьб и для исповеданья.

Невыносимо вокруг тебя страданье
Твоих детей, и близких, и родных;
Ты отошла уже почти от них,
Ты – мысленно в потоке ожиданья

Предстать на Суд. Но ты пока что тут.
Кто знает: год иль несколько минут
Пробудешь здесь, уж ничему не внемля;

И, если мысль в тебе ещё жива, –
То не греховны, а святы слова:
«О, Господи, сведи скорее в землю».

СОНЕТ № 33

Какая тьма вокруг! Какая мгла!
Иду на ощупь и сбиваю ноги.
О, будь ты рядом, – ты бы помогла
Не сбиться мне с проторенной дороги.

Я был уже у дома, у угла,
И, может, в полу шаге был от двери,
И сердце уж готово было верить,
Что здесь меня удача стерегла.

Но застелил глаза тугой туман,
И я пошёл, с тобою разминувшись,
И всё блуждаю в поисках тебя;

И верю и не верю, что увижу, –
Но кто удержит сердце на приколе,
Которое к тебе спешит, любя?

СОНЕТ № 34

Тебя не вижу я и не увижу:
Меж нами время чёрной полосой.
Солёную проглатываю жижу
Как в дальнем детстве
Ржавою косой.

Разрезано меж нами расстоянье;
Стеная, сердце просит покаянья,
А ум в другую сторону ведёт,
Не зная, что он хочет и что ждёт?

Страна меж нами развела мосты.
И истины, что были так просты, —
Теперь вне разума, вне пониманья;

Мы в одночасье сделались пусты,
Как осенью безлистные кусты,
В которых рыданья, и стенанья.

СОНЕТ № 35

На скорбный гроб не брошу горсть земли,
Не оболью твои слезами руки.
Снега пути-дороги замели,
И волчьей стаей мчатся в поле выюги;

Слепой буран, закрученный в столбы,
Меня, не глядя, сбросит в глубь колодца.
Давно остыл я от людской борьбы –
Пустой затеи злого полководца.

Чтоб уберечь тебя и твой покой,
Не стану я дрожащею рукой
Испытывать судьбы предназначертанья;

Здесь не простившись,
Встретимся мы там,
Прибитые к желанным берегам
Для вечной жизни, вечного свиданья.

СОНЕТ № 36

Густой туман, как белый облак бродит,
А что за ним – не видно, не слыхать.
Так долог путь... Уж где-то на подходе
То – чего ждёшь ты: ад иль благодать?

Тебе нельзя и слова мне сказать:
Ты – вся отсутствие, вся – сосредоточенье,
Как будто на крыло своё теченье
Воздушное пообещало взять.

И некогда тебе ни оглянуться,
Ни посмотреть, ни встать, ни улыбнуться, –
Ты в облаке, ты с ним летишь, течёшь;

А я мечусь, истерзанный, уставший,
Держу платочек, с плеч твоих упавший,
И чувствую, как ты меня зовёшь.

СОНЕТ № 37

Я тридцать семь сонетов написал.
И пусть бессмертью я не бросил вызов,
Но маму я ни словом не унизил –
Свидетели – земля и небеса,

Не приукрасил ни одним словцом:
Что красить солнце, если это – Солнце!
Я вижу детства синее оконце,
В котором солнцем мамино лицо.

И вы, что слушаете мою речь,
Когда хоть слово фальши в ней найдёте, –
Надеюсь я, что вы меня убьёте,
А я себя вам приказал бы сжечь!

Быть может, где-то лгал я – может быть, –
Но, это ж, мама, как же дальше жить?!

СОНЕТ № 38

Почти изнемогла, почти иссякла
Вечерняя заря, роняя свет;
Округа олохматилась, обмякла;
Туманом день свой занавесил след.

Знакомый голос, мысленный привет
Меня настигли под крылом печали:
Они в окно души моей стучали,
Но там давно уже погасший свет.

Здесь на Земле, как во Вселенской яме,
Сидел и молча думал я о маме,
И клокотала слёз во мне река;

Плотина воли крупно содрогалась,
И дрожь по её телу разбегалась,
И колебала сердца берега.

СОНЕТ № 39

Сонет тридцать девятый как хребет.
Куда ни обернёшься – склоны, скалы;
Разрежен воздух и рассеян свет,
И что ни шаг – то пропасть, то завалы.

Здесь дрогнет даже скалолаз бывалый,
Имея снаряжение, ледоруб...
Я чувствую дрожанье рук и губ
И вижу лик горячий и усталый.

И ты уже не шагом, а ползком
В одежде белой; плача, босиком
Карабкаешься... Серп Луны – заточка...

Ползёт к моей груди холодный страх...
Ты уменьшаешься, ты таешь на глазах...
Всё меньше... меньше... и – пропала.
Точка.

СОНЕТ № 40

Ищу я в небесах твою звезду.
И, если её только обнаружу, –
Я тут же на колени упаду, –
Пусть под ногами хоть стекло, хоть лужа.

Я думаю: тебя я не обижу,
Когда ей поклонюсь.
Ты всё равно
С той высоты сквозь тёмное окно
Не узришь, как я сглатываю жижу.

Я знаю, что тебя я не увижу,
Я знаю, что тебя я не услышу, –
Но выше сил моих тебя забыть;

Пока живу я, чувствую, страдаю,
Ни дня себя я в том не убеждаю,
Что до конца тебя буду любить.

СОНЕТ № 41

Вокруг тебя собрался весь наш род,
И только я один в дали сибирской.
О, мать моя! Как пуст мой огород,
Как я устал от холода и риска.

Чужие тени продолжают рыскать
Вокруг меня, вокруг моей души;
Проснусь и слышу: что-то всё шуршит,
И чьи-то лица рядом близко-близко...

Хочу перекреститься, а рука
Как посторонняя, как в облаках –
Не колыхнётся, не пошевелится;

Прости меня...
Наверно, плох я сын,
Доживший до инфаркта и седин
И не представший,
Чтоб с тобой проститься.

СОНЕТ № 42

Итак, пишу сорок второй сонет.
О, мать моя! С тобою вновь я прожил
С младенчества до этих грозных лет,
Когда минута многих дней дороже.

Всё ближе жизни край.
И горизонт,
Когда-то бесконечно удалённый,
Уже землёй бесстыдно оголенной
Зовёт меня... Да в этом ли резон...

И повседневно – смерть для всех одна.
Но выше мрака, выше всякой смерти,
Как продолженье наше – наши дети
И умная, красивая страна!

Им красоту и множить, и беречь,
Когда умрём... Но не о смерти речь.

Строчки любви

1969 г.

1.

Земля – людская колыбель!
Звонкоголосая, как зыбка,
хранима солнечной улыбкой
в пустой космической избе, –
земля – людская колыбель.

Мы все восходим от земли.
Мы все: и гении, и твари,
как за столом, на ней собрались,
лицо и чувство обрели;
мы все восходим от земли.

Она лежит в нас глубоко.
Лежит под сердцем и под ногтем
любовью, черноземом, дегтем,
грозой и тенью облаков, –
она лежит в нас глубоко.

О, как мы ею тяжелы!
Наполнив хрипотою глотки,
как переполненные лодки,
сквозь моря медные валы
идём, землёю тяжелы.

Земля – людская колыбель.
То – чёрная – от следа плуга,
то – светлая – от цвета луга, –
как женщина в моей судьбе, –
земля – людская колыбель.

2.

Россия на земле – одна.
Одна под солнцем и под небом
с бедой своей, с нелегким хлебом,
во все века и времена
Россия на земле – одна.

Смотрю вокруг с её вершин
и вижу далеко-далёко!
Я б руку отрубил по локоть,
когда б хоть строчкой согрешил
пред ней. Смотрю с её вершин.

Россия вся в своих глазах.
И оттого мы большеглазы,
Что сердце, и душа, и разум
стоят в них, как в ночи гроза.
Россия вся в своих глазах.

В глазах России откровенье, –
и если нет в тебе души –
на встречу с нею не спеши;
не торопи своё явленье –
не замутнить бы откровенье.

Россия на земле – одна.
Она – как утренняя туча,
лучом пронизана могучим
так, что вся суть обнажена;
Россия на земле – одна.

3.

Ответь мне: ты зачем пришёл
на эту землю? Путь твой краток
среди цветов. Он весь из катог,
он в лучшей форме не решён...
Ответь мне: ты зачем пришёл?

Ты человечий род продлишь.
Но как его ты возвеличишь:
прославишь или обезличишь,
обрадуешь иль огорчишь?
Ты человечий род продлишь.

Есть две дороги. Два пути.
Они – как пропасть и вершина,
как солнце и как вод пучина, –
но на какую вступишь ты?
Есть две дороги. Два пути.

Ты – человек, и – выбирай
одну из двух. Здесь третьей нету.
И – выбор твой падет как мета,
добром иль злом на отчий край.
Ты – человек, и – выбирай,

Но должен помнить об одном
При выборе. Об очень малом:
о речке, о коне линялом,
о небе в луже кверху дном,
о доме, чтоб красив был дом.

4.

О, эта медленность полей!
Не оттого, что едешь тихо –
сплошная белая гречиха,
хотя ты и летишь над ней.
О, эта медленность полей.

И – день, и – два, и – нет конца!
Глаза усталые слезятся;
поля, как волны, шевелятся,
стоят, как тени у лица
и – день, и – два, и – нет конца!

Над ними коршун одинокий
в полнеба крылья распростёр:
тень от него, как дикий вор,
в траве скрывается высокой
и режется о лист осоки.

И шмель тяжелый, как янтарь,
как будто пущен из рогатки,
как сам с собой играет в прятки,
в спирали бешеною винта
летит тяжелый, как янтарь.

О, эта медленность полей...
Вон муравей прилёг на стебле
и это дерево колеблет
великой тяжестью своей.
О, эта медленность полей...

5.

Сады плодами не грешны.
Сады освящены плодами,
как гениальными трудами
история любой страны.
Сады плодами не грешны.

Плоды – есть творчество земли
и солнца. Знойным летом
отвердевает сок под светом
прямых лучей и льнёт под лист.
Плоды – младенчество земли.

И в каждом – скрыты две любви:
Любовь земли к её рожанью
и – солнца к жизни поддержанью,
двойной заботой плод овит:
небесной и земной любви.

Но есть и третья в них любовь:
любовь садовника к работе,
его о красоте забота,
его мечта о яви снов, –
в них человечья есть любовь.

И эта третья, – всех сильней!
Лишь ею плод облагорожен;
под розовой, под белой кожей
она скрыта. Прелесть в ней.
Да, эта третья, – всех сильней.

6.

Луга зеленые насквозь.
И я – зелёным весь пронизан
под синим небом, словно вызов
другим цветам; бужу в них злость,
зеленым высвечен насквозь.

Над ними тонкий жаворонок
развесил песен серебро.
Пусть говорят, что петь старо, –
поёт до сумерек спросонок
над ними тонкий жаворонок.

В той песне золото хлебов,
земли томительные вздохи,
шальных дождей переполохи,
зверей и птиц, и трав любовь.
В той песне золото хлебов.

Волнистый ветер на заре,
расстеленные дымом росы,
две-три бегущие березы
любой беде наперерез
и в ключевой прохладе лес.

Луга зелёные насквозь,
набитые перепелами,
как машут травы там крылами,
как влажны в них алмазы рос!
Луга зелёные насквозь.

7.

На заливных лугах стада.
Пасутся смирные коровы
под неба бесконечным кровом,
гуляют вольно кто куда –
на заливных лугах стада.

Телят ватага перед ними.
О, детство! Ты у всех одно:
весь день мельканье тонких ног
калейдоскопами цветными.
Телят ватага перед ними.

Их толкотни не замечая,
своим предназначеньем горд
могучий бык, как будто лорд,
рогами грозными качает
и от безделия скучает.

В его мозгу одно сверлит:
когда из ближнего околка
придёт невиданная тёлка,
красою дикою сразит
и пыл былой в нём воскресит.

На заливных лугах стада.
Стекают с пастбища коровы;
Рога их светятся багрово
в лучах зари.
Сереет даль...
На заливных лугах стада.

8.

Я Родину не выбирал,
как рожениц не выбирают
младенцы, что потом сгорают
за тех, кто речь, кто имя дал, –
я Родину не выбирал.

Когда я грудь сосал, малец, –
я чувствовал, как пахнет поле,
как кони бегают по воле,
как славит мир полей певец, –
я с молоком вбирал, малец.

Но и полынным дымом горечь
мне в плоть входила с молоком.
Я тёр глазёнки кулачком
и прозревал, сопливый ороч*:
что Родина – и боль, и горечь.

Я рос, и на моих глазах
являлись новые приметы:
скользнувшие в зенит ракеты,
вода, бредущая назад,
в песках шатучих белый сад.

Я Родину не выбирал,
она от деда мне досталась
и к внуку перейдет как радость,
как плод работы и добра.
Я Родину не выбирал.

* Ороч – здесь, в значении «пахарь».

9.

Её пытали, молодую...
Живое тело рвали,
жгли...
А мы помочь ей не могли;
затолканные в цепь живую.
Её пытали, молодую.

Сперва отрезали ей груди
и бросили голодным псам.
И видно было по глазам,
как молча каменели люди,
когда ей отрезали груди.
Потом надрезывали саблей,
как грушу спелую...
живот.
Как кровь по остирю течёт
доселе вижу.
Силы слабли...
И из камней сочились капли.

А палачи – они смеялись!
Но не звенел, а трескал смех.
Из ран на них смотрела смерть
холодным лицом.
Не смирясь,
они пока ещё смеялись!

Но – не снеся могильных глаз, –
они в те раны пули били...
А мы сильней её любили,
потом несли в последний час...
Пытали Родину при нас.

10.

В твоих степях
остались кости
твоих врагов.
О, сколько их,
когда-то сильных, молодых,
неудосужевших в погости.
В твоих степях остались кости.

Вот жёлтый череп Чингисхана.
Презрительный разрез глазниц.
Смотрел он на игру зарниц
и возникал, как из тумана, –
и кровью обагрялись станы.

Вот черепа поляков,
шведов,
французов,
даже англичан,
вот – крестоносца,
как кочан...
Что тут им – дальним и соседям
в твоих степях?
Кто тут им ведом?

А вот: совсем ещё свежи
холёные арийцев кости;
их кисти – сжаты ещё в горсти,
их вороха,
их этажи! –
лежат совсем еще свежи.

В твоих степях белеют кости...
Чьим в них ещё теперь лежать?
Чья убиваться будет мать
о том, что сын не на погoste?
В твоих степях белеют кости...

11.

Врага я должен знать в лицо.
Во взгляде скользком и пристылом
его души таится сила,
его задумок кружевцо.
Врага я должен знать в лицо.

Из птичьих песен сшито небо.
В рассветных красках мир земной.
А он охотится за мной,
пока невидимо и немо,
пока он только – быль и небыль.

На улицах он перемешан
с гудящими вокруг людьми,
с играющимися детьми,
с звонкоголосостью скворечен
на улицах он перемешан.

Но – где-то выйдет он меня.
Я удивлюсь его явленью,
но страх и робкое волненье
я подавлю.
Как сноп огня –
он где-то выхватит меня.

Врага я должен знать в лицо.
Что скажет мне его затылок,
спина, что каменно застыла,
волос или серьги кольцо?
Врага я должен знать в лицо.

12.

Всё это так и всё не так...
В часы раздумья и сомненья,
как кровь из горла, —
откровенье,
что этот мир — большой дурак!
Всё это так и всё не так.

Он перед зеркалом стоит,
как промотавшийся мошенник,
в чернильных синяках на шее;
в глазах, как в призраке струи, —
он ищет проблески свои.

Но — в ножевых его зрачках,
как на конвойере возвращенья,
текут убийства, преступленья,
знакомые его рукам,
там, в ножевых его зрачках;

А он спокоен, как покойник,
и даже строг к своим делам...
Кричат безглавые тела,
летят глаза на подоконник, —
а он спокоен, как покойник.

Всё это так и всё не так.
Заря нагонит позолоту,
день новый — новые заботы
завалят стружкою верстак...
Всё это так и всё не так.

13.

Что быть мешает откровенным?
Вражда – во времена войны,
стена, – когда разлучены;
а в этот день обыкновенный
что быть мешает откровенным?

Стоим с тобой – глаза в глаза,
ресницы сдвинуты к ресницам,
зрачки к зрачкам, как две зарницы, –
но что за ними – не узнать.
Стоим с тобой – глаза в глаза,

Сердца нас стали презирать
за недоверчивый рассудок;
за недоверчивость – не судят
и даже чин стремятся дать.
Сердца нас стали презирать.

Боюсь: придёт такое утро:
рассудку злому вопреки,
по-океаны глубоки, –
сердца поступят очень мудро;
уйдут на волю в это утро.

Как русла рек –
иссохнут вены,
потрескается дно аорт,
рассудок – спелый как апорт, –
аж треснет:
нет любви, измени...
Что быть мешает откровенным?

14.

Шагами меряю пространство.
Один шажок, другой шажок...
И – сердце – крохотный движок,
Стучит без крика, без упрямства.
Шагами меряю пространство.

На крышах снег слепой и мурый*.
И мой моторчик рад весне;
он словно дятел на сосне:
тук-тук – выстукивает мудро
в такое солнечное утро.

И кровь летит в каналах вен,
и надрываются аорты,
как от турбин аэропорты;
как жизнь проходит через тлен –
летает кровь в каналах вен.

Его горючее – есть жизнь.
Сомненья, горечи, утраты,
и солнце, и печаль закатов,
мерцающие этажи...
Его горючее – есть жизнь.

Люблю его за постоянство
в работе, в ритме;
и за сбой,
когда любовь тому виной,
иль гнев, или друзей коварство...
Шагами меряю пространство.

* Мурый – (даил.) подтаявший.

15.

Мы все в ответе перед ней.
Мы только имя её знаем,
глазами,
кожей осозаем
с рождения и до смертных дней.
Мы все в ответе перед ней.

Она застенчива,
робка,
всегда в тени, всегда скрыта, –
не как из фильма знаменитость,
а глянет – и дрожат бока, –
она застенчива, робка.

Ей наплевать, что вы – министр,
или – министров председатель,
иль – генерал,
иль – заседатель, –
напрасно шлёт ей монист, –
ей наплевать, что вы – министр.

Но чаще – на неё пллюют;
любовницей считают,
милкой;
лаская, пистолет к затылку
подносят;
бьют – и не убьют.
Как часто на неё пллюют.

Мы все в ответе перед ней,
перед святой мадонной – Совесть!
Живи себе, не беспокоясь,
но в смертный час,
наедине,
и ты предстанешь перед ней.

16.

А ведь стоял он, город Китеж.
Он и теперь ещё стоит
и тайны странные таит;
как только к озеру ты выйдешь –
тотчас же въявь его увидишь.

Как только на берег ты сядешь
У сине-розовой воды:
всплывают белые гряды
его кремля; седые пряди
его князей;
мечи;
наряды;

серебряные купола
трепещут рыбьей чешуёю;
колокола полны живою
великой речью; снег палат,
и тёплая печей зола.

Вот молодые китежанки
спешат на торг. Гудут ряды.
Товару горы – как беды;
и здесь и там добра вязанки,
и гнутся под товаром санки.

Прищурь глаза – и белый Китеж
всплывает в голубой дали;
и розовые корабли
идут в порты его;
и витязь,
копьём играя,
смотрит Китеж.

17.

Сказала женщина: люблю
и мягко в травы опустилась;
мерцая, кожа золотилась
открытых рук её. Как льют, –
сказала женщина: люблю.

Сказала женщина: люблю,
как будто выдохнула душу;
как море, брошенное сушей,
щекой прижалось к кораблю, –
сказала женщина: люблю.

Лицо пылало, как костёр;
сгорая, губы трепетали;
объятия ответа ждали;
блуждал, ища кого-то взор;
лицо пылало как костёр.

На грудь ей словно целый мир
упал, –
дышать так стало тяжко;
круглились груди с-под рубашки –
два белых холмика.
Лишь миг
на них смотрел зеленый мир.

Сказала женщина: люблю, –
и даль туманная промылась;
трава примятая прямилась,
и царственел вкус грубых блюд.
Сказала женщина: люблю.

18.

Веками я прошу: люби.
Нет, отвечаешь ты веками...
Ты хрупкая, – но сдался б камень
от вечного: люби, люби;
веками я прошу: люби.

– Люби, – прошу тебя землёю
и небом; и цветеньем трав,
и птичьим голосом утра,
июльским зноем и зимою;
– Люби, – прошу тебя землёю.

Ты слышишь:
из земной глуби
мои измученные предки
скрипят тысячелетней веткой:
– Любимая, не погуби, –
ты слышишь из земной глуби?

И я – как самый новый лист
на этой ветке, – я молю:
«Люби, люби, как я люблю», –
и падаю;
и новый лист
о том же молит из земли.

Веками я прошу: люби.
И ты веками отвергаешь,
но тем же голосом взываешь
к другому:
«Милый, не губи,
веками я прошу: люби».

19.

Кладу лицо в твои ладони:
тепло и трепет скрыты в них,
и нежность, что заре сродни,
и крови ключевая звонность;
кладу лицо в твои ладони.

И чувствую, как пахнет май,
как горные вершины тают,
как яро травы прорастают,
покров асфальтный проломав;
я чувствую: как пахнет май.

И шаткую походку туч,
и ливня юного смущённость,
и ту незримую черту,
что разделяет душ чету.

И крен земли в бескрайней бездне,
её тяжёлый разворот,
такой, что хлопанье ворот
и ставен слышны;
как в болезни
дрожит Земля в бескрайней бездне.

Кладу лицо в твои ладони
и слышу отдалённый бой;
я полон, милая, тобой,
как полон
теплым солнцем
донник...
Кладу лицо в твои ладони.

20.

Вишнёвый сад – как вешний омут:
кипенье пены здесь и там;
осколки солнца на цветах
играют гранями багрово;
вишнёвый сад, как вешний омут.

На небе белые овалы
поющих вишен.
Пчёлы в них,
как капельки огней живых
в пыльце, как будто в платьях алых;
на синем – белые овалы.

Когда поднимешься над ними –
земля сквозь ветви не видна;
сокрыта от зрачков она
за клубами живого дыма,
доверчива так и ранима.

И только сердцем можешь знать,
что эта кипень – лишь предтеча
плодов, идущих издалече,
из соков, что несёт весна, –
ты только сердцем можешь знать.

Вишнёвый сад – как вешний омут
прохладой дышит глубина;
звезда вечерняя одна
стоит над белою истомой;
вечерний сад – как вешний омут

21.

Берез бездонная прозрачность.
Луна стекает по листу.
Взрывая мхи, цветы растут –
у них к цветению волчья алчность.
Как зимний свет – берез прозрачность.

За ними – грудью чёрный лес.
Их белизною оторочен,
он – будто солнцем позолочен
край туч закатных.
Как обрез –
за ними грудью чёрный лес.

В нём чьи-то слышатся шаги;
и кто-то щёлкает клыками;
и темь грозится кулаками,
дыша мохнато у щеки,
и трётся кошкой у ноги.

И ветер, улегшись под листья, –
уже девятый видит сон;
уже проснётся скоро он
и, перья о лучи почистив,
порхнёт в пространство из-под листьев.

Остыло небо.
Звездозначность.
Отсыревает уж земля.
Замолкнул перепел в полях.
И брезжит, как зари горячность, –
берез бездонная прозрачность.

22.

Лицо я к небу запрокинул,
и поразили разум мой:
лазурь небес над головой,
метущий звёзды хвост павлиний
и чистота небесных линий.

Безоблачность во все края!
Во все края лишь синь да ветер!
Что есть возлюбленней на свете,
как ты, о, родина моя?
Безоблачность во все края.

Волшебна Русь с её глазами,
с её подсолнечным лицом,
с её кудрявым молодцом,
поющим где-то над возами.
Волшебна Русь с её глазами.

Волшебна и моя любовь
к осенним пажитям и пацням,
где яркий клок зари вчерашней
сегодня тлеет;
где как новь,
чиста к отечеству любовь.

Лицо я к небу запрокинул:
течёт небесная струя,
светлеют дальние края,
и месяц свой престол покинул.
Лицо я к небу запрокинул.

23.

Едва заря забрезжит в небе,
едва рассветный час падёт, –
он в поле росное идёт
с тревожной думою о хлебе, –
едва заря забрезжит в небе.

И государственные мудро
осматривает трактора;
настала трогаться пора –
и борозду он тянет в утро
с любовью, радостно и мудро.

Полей распаханная мягкость
блестит, как галочье перо;
заря, как угли от костров,
чадит над ней.
Свою нарядность
тает распаханная мягкость.

На ней,
как ливни из земли,
овсы поднимутся стеною
и золотистой желтизною
завесят горизонт вдали
овсы, как ливни из земли.

Над полем – взрывом – птичий лепет.
Дрожит небесная струна.
Как греки к золоту руна,
идёт он с думою о хлебе,
едва заря забрезжит в небе.

24.

Обожествляю лик жнеца.
Как бы над миром вознесённый
он сеет и собирает зёрна
добра и хлеба.
Раб и царь!
Обожествляю лик жнеца.

Бескрайне поле перед ним,
и каждый колос долу клонит,
как дети в ласковом поклоне
перед родителем своим;
бескрайне поле перед ним.

А он серьёзен и наивен.
Железной хваткой скжав штурвал,
как лодку сквозь девятый вал,
ведёт комбайн по спелой ниве,
непроницаем и наивен.

И только обострённый слух
прикован к шёпоту гребёнок
и разговору шестерёнок,
да красный глаз,
сквозь пыль и мглу
звезды взошедшей ловит луч.

Обожествляю лик жнеца,
Его желание родниться
с овсами, ячменём, пшеницей,
испить росы с земли лица...
Обожествляю лик жнеца.

25.

Осело лето золотое
в скирды соломы на полях.
Светлее сделалась земля.
Живым багрянцем налитое
предлесье яркнет над рекою.

На бархатном ковре жнивья
дожди размыли позолоту.
Как дети, летние заботы
легли до завтрашнего дня,
до первых гроз угомонясь.

Сторожкой тишиной пропитан
прозрачный воздух.
Гладь озёр
туманный высинило взор.
Полдневный ветер как напиток,
Вливаает в сердце сил избыток.

Уж скоро стаи журавлей,
как луки, обернутся к югу.
За первой изморозью
вьюги
пройдут, как свадьбы на селе,
и всхлипнут окна о тепле.

И дыма облачко витое
над крышей цаплею вспарит...
И Бог печаль мне да простит
и настроение плохое.
Осело лето золотое.

26.

У журавлей тоска по небу
живёт с печалью по земле.
Они снимаются с полей,
и, как в полуденный молебен,
кружит курлыканье под небом.

Есть в мире много птиц других,
летящих в синеве небесной, –
но те, другие, бессловесны,
они из стойбища немых.
Есть в мире много птиц других.

У тех, спешащих, нету боли;
они боятся высоты:
вспорхнут – и в ближние кусты, –
и что им выжженное поле?
У них, спешащих, нету боли.

Я вглядываюсь в край небес:
там журавлей скользящий угол
пронзает облако упруго
и пропадает в синеве.
Я вглядываюсь в край небес.

Я провожаю журавлей.
Я им желаю возвращенья.
Как за большое согрешенье
в их голосе мольба полей.
Я провожаю журавлей.

Ах, поле, поле!
 Стынет полночь,
 собрав все звёзды над тобой;
 луны копытик золотой
 висит;
 снег ровно режет полоз;
 Ах, поле, поле!
 Стынет полночь.

То вдруг тоска меня объемлет,
 то радость хлынет, как струя;
 туман густой, как кисея,
 вдруг пеленою взор застелит
 и даль от глаз моих отделит.

То тронет слух твоя струна;
 её мелодия чарует...
 Я б не хотел иметь иную
 родная песня-сторона,
 всю ночь одна
 ты мне видна.

Почти в полмира необъятность!
 И это всё мне одному.
 Копытами дырявя тьму,
 конь мчит меня в её объятья.
 Кому свой край могу отдать я!

Ах, поле, поле!
 Стынет полночь.
 Мороз алмазы разложил.
 Ресницы сонные смежил
 и сыплет грёзы в твои полы...
 Ах, поле, поле!
 Стынет полночь.

28.

О глаз твоих закатный взгляд!
Тепло и ласки обещанье.
Сто тысяч богачей нищали,
Столетья пятались назад, —
О глаз твоих закатный взгляд!

Рассвета перья опадали
В других глазах, когда твои
Не обещали им любви;
Когда смешишки в них играли,
Глаза другие потухали.

И слёзы чёрные катились
По прежде розовым щекам;
И голова, что так легка
Была, собою тяготилась;
И слёзы чёрные катились.

И вяла сочная трава;
И жизнь представилась пустыней:
Белели губы, словно иней,
К петле тянулась голова,
И стыли в голосе слова.

О глаз твоих закатный взгляд!
Каким сюда он послан роком?
Уложит под ноги пророка,
Судью заставит только лгать.
Какие страсти в нём кипят?!

За чертой

НАСТРОЙ

Блажен, кто песнь любви слагает.
Блажен и слушатель, что их
Аплодисментами стегает
За вдохновенно-сладкий стих.

Моя иное Муза шепчет,
Решимостью наполнив взор:
«Когда буран и злей, и резче –
Иди всему наперекор».

Пусть ты устал,
Плетёшься еле,
Не видишь отблеска зари, –
Но есть другой, кому тяжеле –
Дойди, найди и ободри.

Возьми ослабнувшую руку
И, не жалея, перелей
Как брату своему, как другу
Тепло и твердь души своей.

Соединись с его судьбою,
Веди, моли, ругай, проси,
Пожертвуй, может быть собою,
Но от отчаянья спаси!

1994 г.

ПЫРЕЙ

Ещё все спят,
А он уже проснулся.
Его – и первый луч, и ранняя роса.
Он приподнялся, вышел, оглянулся:
Светлы округа, даль и небеса.

Росою смыв тяжелую дремоту,
Окинув мир восторженной душой, –
Он весело принялся за работу
И вырос непреклонный
И большой.

И заспешили
Смять его и вырыть –
Ни корня чтоб, ни духу на версте.
Люблю его
За его жажду
Выжить
И посмеяться глупой суете!

Сумняшиесь!
Корни его смерьте
И окатитесь ключевой водой –
И вы поймёте, что его бессмертье
Посмертно слито
С матерью-землёй.

1994 г.

КАЖЕТСЯ, ИЛИ...

Когда я слушаю дебаты
Парламента или вождей, –
Мне кажется, что я горбатый,
Неандерталец и халдей.

И, может быть, смешно и глупо, –
Как зал начнёт рукоплескать, –
Я начинаю горб свой щупать
И хвост невидимый искать.

И кажется, когда калека,
Умам кричит пустой и злой –
Что я из каменного века,
А зал – из эры мезозой.

1994 г.

КАМНИ КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

О бесподобный камень этот!
С начала самого,
Сперва,
России суть, как эстафету
Из века в век передавал.

На площади,
Себя подъявшей,
Так, что видна во все края, –
Лежит он, словно задремавши,
В себе столетия тая.

Он помнит
И свирепость хана,
И лёгкость пугачёвских ног,
И поступь Грозного Ивана,
И пыль космических дорог.

Иду по площади по Красной
И сердцем впитываю я
Великий дух времён вчерашних
И совесть завтрашнего дня.

1974 г.

НЕ ОТТОЛКНУ

Ни друзей, ни товарищей...
Голова как в дыму...
Не какая там тварь ешё –
сын я в отчём дому!

Наклоню на грудь голову,
просижу до утра;
подноготную,
голую
выну суть из нутра.

Возложу её на руки,
возложу и всмотрюсь:
не цветные там наволки –
многоцветная Русь

от старинного терема,
от славянских имён
до косматого дерева
настоящих времён.

Мои мысли невеселы;
я не трезв и не пьян.
В доме
правду повесили –
правду старых крестьян;

положили под пытками
сплошь да рядом – своих;
истоптали копытами
лица светлые их;

испоганили гамузом
тишину да ручьи;
не узнаешь по гарусу
эти вышивки – чьи?

Всё поблёкло, осклабилось;
череп бел, как прибой;
нищеты не убавилось,
лишь умножился вой

обездоленных, страждущих,
да больных, да шальных...
Нет сердечно внимающих
горькой участи их.

Не достану что глазом я, –
то умом обойму:
вот какая оказия
в нашем общем дому;

вот такие мы – новые!
Нам на всё наплевать;
лбы пустые, дубовые
разве что ... под кровать?

Разве что ... на булыхники –
мостовые мостить...
О пророки-облыжники,
вам Господь не простит

ни глумленья над матерью,
ни забвенья отца,
ни хуленья над скатертью
за свой жребий – Творца!

Эту пагубь смердящую
не приму... прокляну, –
и духовно-скорбящую
душу не оттолкну.

1994 г.

ОДУВАНЧИК

Одуванчик золотой –
Капля солнца в изумруде!
Что тебя обходят люди?
Ты ль не блещешь красотой!

Одуванчик золотой,
Как лицо твоё лучится!
Только чуда не случится:
Ты не царствен,
Ты – простой.

Одуванчик,
Ты мне брат.
Я такой же незаметный,
Нету мне любви ответной,
И никто мне тут не рад.

Нас не видно на пиру.
Мы с тобою за порогом.
Предадимся, брат, добру,
Как завещано мне Богом.

Не беда, что мы одни,
Что не знатны наши корни,
Что душа подчас в крови;

Чудным воздухом любви
Мы пришли сердца наполнить –
Да продлятся наши дни!

1994 г.

ОРЕЛ

Орёл могуч был и бесстрашен
величествен и молод был,
и никогда к низинам пашен
с вершин своих не уходил.
Верша круги под облаками,
И даже выше облаков,
он – царь, но равен был с богами,
а в риске – выше всех богов.
И над полями проплывая
на необъятной высоте,
он видел: и как тварь живая
дрожит, и каплю – на листе.
С камней змея за ним следила
и поджидала каждый день,
что и его покинут силы,
и станет кроток он, как тень.
Глухая в ней копилась злоба
и к небесам, и жизни в них;
коварная, в преддверье гроба
она сосчитывала дни.
И день настал.
Орёл кругами
сходил с немыслимых высот;
текло пространство под крылами,
и приближался горизонт.
Орёл прекрасным был охвачен,
в красоты зренье погружал
и не заметил, как упал, –
и тут же был змёёю схвачен
в кольцо тугое, как капкан!
«Отжился!» – грозно прошипела,
сматря в глаза ему, змея
и не услышала, как тело
её отринула земля.

Верёвкою рваною болтаясь,
всё удаляясь от земли,
она его молила: «Каюсь.
Моим раскаяньям внемли.
Твоей союзницей я стану
и на земле, и в небесах,
мы будем властвовать...»
Как сталью,
орёл ей вымоловил в сердцах:
«Чтоб небесам быть небесами,
я отпущу тебя туда,
где ты таилась за кустами
как смерть, как злоба, как беда.
Я отпущу тебя! Лети же...»
И когти мощные разжав,
он уходил всё выше, выше,
за облак яростный пожар.
С тех пор он не сходил в низины
и красоту искал лишь там,
где небо, солнце и вершины,
и скалы милые гнезда.

1979 г.

МНЕНИЕ

За любовь бороться?
Нет. Не стоит.
Это слишком низко для любви...
Рушатся мостов стальных устои,
Мост горит, но ты под ним плыви...
Если и тебе навстречу так же,
Голову и сердце очертя,
Бросится неслыханная даже,
Пол-России в муках обойдя, —
Вот тогда любовь пребудет вечной,
Как небесный дар,
Как свыше клад,
Осиянной и очеловеченной,
Без прошений,
Без молитв,
Без клятв.

1984 г.

ПРОСТРАНСТВО

Чудно и странно,
Как ни бредово, —
Вдруг из пространства
Прорежется слово,
Будто слышанное,
Будто виденное,
Будто знакомое,
Но необыденное.
В здешнем свете,
Да в цвете нездешнем,
Словно озерце
Солнцем вешним
Вскленъ наполнено,
В край налито,
Синью окаймлено и перевито.
Смотришь в него
Как в библейское чудо:
Ведь не взялось же оно
Ниоткуда?!

Скорбно, горько
И даже страшно:
Не мы пространству,
А нам пространство.

1986 г.

В ЛЕСУ

Вхожу с поклоном в мир лесной.
Ах, эта осень! Эта осень!
Деревья в ярости цветной:
Огонь и золото меж сосен.

Веселье солнечного дня
Несёт на пышной гриве ветер.
Всё из огня, всё из огня,
Всё из огня на этом свете!

Пусть не коснётся вас печаль
Теперь и в будущие годы...
И ничего уже не жаль:
Ни вдохновенья, ни свободы.

1984 г.

ВЗДОХ

Обиды сплошь и беды,
И ноша нелегка...
Туманность Андромеды,
Как ты далека!

1992 г.

ПРЕДНОВОГОДНЕЕ

Встречая Новый год
и провожая старый,
Свечами осветив святые образа,
Грустя и радуясь под перебор гитары,
Так хочется смотреть в любимые глаза.

Так хочется отбросить все напасти,
Отместь обиды, горечи и боль,
И пожелать великого Вам счастья
Любимой быть и в счастье быть собой.

И выюга за окном
о том же напевает,
стеля тугие косы по земле;
И время, прибывая,
убывает,
И чей-то след теряется во мгле.

1987 г.

СТАРИКИ

Как прежние дни далеки.
Как радостно жизни начало...
Идут по стране старики,
Которых она развенчала.

Идут – и герои,
И нет.
Согбенно-костыльная масса,
Держащая авторитет
Страны и рабочего класса!

Гремевшая в передовых,
Работавшая до бреда...
Страна отвернулась от них,
Не хочет ни знать их,
Ни ведать.

Остались один на один
С бедою,
С жестокостью жизни,
Отдавшиеся до седин
Любимой своей Отчизне.

Идут,
Не виня никого,
Как в молодости ходили...
А сильные мира сего
Подталкивают их
к могиле.

1997 г.

СЛАВЯНЕ

Ответьте,
вселенское чудо,
всевидящее божество:
неужто мы ниоткуда?
Неужто из ничего?
Неужто с размахом,
с мечтою,
с любовью к себе и другим,
с наивностью нашей святою –
НИЧТО МЫ?!

От камня – круги?!

Неужто отвратно и пресно
беседовать: мы – сухари!..

Но что же в груди нашей тесно?

Но что же там ~~бр~~ёт, изнутри?

Но что в крови и подкорье,
как перержавленный гвоздь, –
точит нам душу?

Что спорят
в ней добродетель и злость?

КТО – МЫ?! Вопрос из вопросов.

Значимей: «быть иль не быть?..»

Божественных великороссов
ведёт начертанье судьбы
не по прямой и асфальтной...

Через отрог и овраг
мчимся мы в гонке астральной,
плюнувши: так иль не так!

Мчимся сквозь воду и сушу,
Валим дворцы, деревья, –
лишь положившись на душу,
веря, что будет жива!

Кто мы? Славяне!
Славяне –
каждый в свой век и в свой час!
Если есть в мире сиянье,
то это сиянье от нас!

1996 г.

СЧАСТЬЕ

1.

Обложен я и пошлиной,
и данью.
И наседает на меня тоска:
Кому плачу?
Эпохе?
Мирозданью?..
Я в них зажат,
как ржавый гвоздь в тисках!
И, словно гвоздь, –
я вбит
вот в это время;
И я
собой
детали в нём скрепил.
Проносится оно,
ревя над миром ревмя,
мир без меня –
что кровля без стропил.

2.

На мне – узда.
Звенит о шпору стремя.
Суров наездник;
строги плеть и глас...
Мне не дано
прожить другое время –
и счастлив я,
что я живу
сейчас!

1996 г.

АКСИОМА

Смотрю на них –
Какой блестящий ряд!
Но... кто в петле...
Кто в пьянке...
Кто от пули...
О них с благоговеньем говорят,
Над ними звёзды в вечном карауле.

Пусть не допито старое вино –
Но в сердце
Места нет
Для мелкой мести...
Поэты гибнут
Только за одно:
За неподкупность
Совести и чести.

1996 г.

ВИДЕНИЕ

И даль была потрясена,
И вся округа трепетала...
С небес на холм
Сошла ЖЕНА,
Над нею плат струился ало.

И от лица ЕЁ,
От рук,
Подъятых в уровень предплечья,
Как бы очерчивая круг
От любопытства и злоречья,
Свет исходил...
И сквозь него,
Как изнутри его, блестая,
Прядь ниспадала
Золотая,
Трепещущая, как огонь.

И я ладонями глаза
Загородил, чтоб не ослепнуть,
Чтоб не пропасть,
С ума не рехнуть –
В молчанье пятился назад.

Она же, видя мой испуг,
Незащищённость и смятенье –
Мне послала успокоенье
Невидимым движеньем рук.

Как поражённый я стоял,
Ладоней оторвать не смея...
А свет
Струился и сиял
Уже в созвездии Персея.

1996 г.

ДОРОГА

Какая скользкая дорога
И как опасен переход,
По небу видно поступь Бога –
Дрожанье и паденье звёзд.

Невидимый, он грозно смотрит
На прегрешения мои
И, может быть, жалея, портит
Меня в лучах своей любви.

И я ль любви его достоин?
Ведь я – не что иное, как
С его врагами слабый воин,
Продавший душу за пятак;

Продавший веру и бредущий
В кабак, где скверна и вино,
Сознавший твердо:
Суд грядущий
Приговорил меня давно.

1996 г.

НОЧЬЮ

Померкло солнце.
Край земли
Охвачен уж ночною тенью.
По небу тучи залегли
Как бы ступени над ступенью.

Они уходят вверх,
К огням,
Где восседают иерархи;
По этим, может, ступеням
Приходят к нам ночные страхи?

Сойдя, скрываются в углах,
На чердаках,
В сенях, в подполье,
Залазят в тесноту рубах
И сковывают нашу волю.

И неразгаданностью их
Обречены мы на мученья
И просим милости,
Прощенья
За неразумность
Дел своих.

Но небо смотрит и молчит.
Лишь в речке хлюпает водица.
И мечется душа в ночи,
Как сетьью схваченная птица.

1996 г.

СОСТРАДАНИЕ

Когда разбой,
разор,
Иль гнев святых небес,
Когда живая плоть
В смятении от страха, –
Тогда, о, Русь моя! – все,
Все бегут к тебе,
Как падшие
К подножью патриарха.

Воздеты руки их,
Глаза вопят: «Спаси!» –
И, ты нисходишь к ним,
И, как родная мать,
Впускаешь в дом,
Раскатываешь скатерть,
Сама едва держась
От источенья сил.

Не бросишь камень в них,
Когда они, ожив,
Проходят стороной,
Тебя не замечая,
Вонзая в тебя
Глаз тяжёлые ножи,
Вражду и неприязнь
Открыто источая.

Что ж!..
Был бы светел
Твой грядущий день,
И Божия любовь
Твой путь бы осеняла
За то, что ты сама

Из века в век в беде, –
В беду попавшему
Ни в чём не отказала.
И пусть над головой
Безумья дух парит
И с языка стекает лжи отрава, –
О, Русь моя!
Твори добро, твори, –
Творящему добро
не здесь,
А в вышних слава!

ПОЕЗД

Сияй, вершина снеговая,
Сияй, вершинная звезда!
Как весть безумья роковая –
Гремят и стонут поезда.
Как моря пенящийся рокот,
Как смерч в разрядах и пыли –
По всей округе гром и грохот
И содрогание земли!
Всё тонет в скрежете и вое,
Над всеми гибельный закон,
И – троеглазье роковое –
Как пожирающий дракон!
Пощады нет и нет прощенья.
Сминает волю гул колёс.
О, кто ты? Дьявол отомшенья
Или скитальческий заброс?!
В соседстве жить с тобою
Трудно,
Вступать в борьбу с тобой –
Беда!
Ты вечно там, где многолюдно,
Где люди едут кто куда.
Летят тела и с ними души.
Под ними твердь и хлябь трясин.
И – нет уж сил,
Чтоб их не слушать,
И слышать их –
Нет больше сил!

1996 г.

ПОТОК

Свободный дух –
небес бесплотная стрела.
Так проникает свет
Сквозь плотный куб стекла.

Свободный дух
ничто не в сile задержать.
Явленье таково,
Как меж двух гор зажать
поток,
питаемый водою ледников,
на высоте вершин,
на гребне облаков,

который
наверху
чем дольше остаётся,
тем яростней
на головы
сорвётся!

1996 г.

СУЖДЕНИЕ

И вот...
Я восхожу на эшафот.
А горизонт всё выше и всё дальше.
Я – как тот колокол,
Который упадёт,
Но не издаст, хоть разобьётся,
Фальши.

Напрасно сонный грач в ночи
не прокричит,
И ворон грудь свою
Не врежет с лёту в стену.
Тот, кто умён,
Тот зря не промолчит,
Тот, кто хитёр,
Молчанью знает цену.

Есть выгода,
И есть – гражданская ответственность.
Но мало граждан,
Больше – прохиндеев!
Есть доброта зверья,
И есть людская злость:
И как тут узел разрубить гордиев?

Все не понять,
Как в душу не принять
Того, кто, может быть,
Один душа и нужен.
Уныло время...
На кого пенять,
Что не защитил себя от стужи?!

1995 г.

НОСТАЛЬГИЯ

О, милая! Не говори!
Молчи о том, чего не знаешь.
Ты словом, как стрелой, пронзаешь,
И рана век потом горит.
О, милая, не говори!

Вовек словам чужим не верь.
Слова чужие, как гадюки,
Скользя, обматывают руки,
Вползают в душу, словно в дверь.
Вовек словам чужим не верь!

Нам очень мало повезло.
Мы редко наслаждались счастьем.
Но пусть в сердцах наших
Участье
К таким же зреет, а не зло.
Нам очень мало повезло.

О, милая!
На склоне лет
Всё ощутимее желанья,
Но заблуждённей ожиданья
И всё несбычивей полёт.
О, милая, на склоне лет.

1994 г.

РЕЧКА МОХОВАЯ

Шустрая такая,
как с иголкой нить, –
речка Моховая,
дай воды испить
чистой, благодатной,
со звездой, с луной;
берег твой нарядный,
как платок цветной!
Погружаю в струи
жаркие уста
и не пью – целую
каждый лист куста;
и не пью – целую
звёзды и луну,
Млечный путь стальную
тянет сеть по дну...
Выше – бор дремучий
в бурю над тобой
разгоняет тучи
пьяной головой.
И – как жизни сколок
с самого себя, –
новенький посёлок
смотрится в тебя;
и в разгаре буден
погружаясь в труд, –
молодые люди
в тех домах живут.
Их весёлой силой
до краёв полна
в новые Россия
смотрит времена...
Светлую такую
полюбил навек
речку Моховую
странник-человек.

2004 г.

НЕДОУМЕНИЕ

Наш полководец и главком,
Короче – Президент России, –
С военным делом так знаком,
Как и знаком с ним мерин сивый.

Но тот спокойно ест овёс.
А этот мускулом играя,
И Белый дом огнём разнёс,
И по Чечне ударил... Грая.

Грачей не слышно из-за стрельб
По всей России Православной.
Не только не растит он хлеб,
Но и воюет он бесславно.

Лихой поборник мер крутых
Решил огнём прокласть дорогу, –
И тыщи жизней молодых
В небытиё уходят, к Богу.

И тучей беженцы босые
Бегут, гонимые судьбой;
И содрогается Россия,
Вживаясь в смуту и разбой.

1995 г.

ИЗ РУК В РУКИ

Расхристанный, патлатый,
Невесть душа в чём есть.
Ушёл девяносто пятый.
Пришел девяносто шесть...
Переступил порог он
Под половичный скрип
И тут же был обруган,
Как говорится, влип!..
В России много грязи, –
Куда ни стань ногой.
А если ты без связей –
Ты – фишка и изгой.
В России много гнили.
Прогнил и низ, и верх.
Кого-то там прибили,
Кого-то осудили
И судят, да не всех.
В России много крови,
Но, как и прежде, вновь
Властей глаза коровыи
Не видят эту кровь...
Уходит год кровавый,
Пожрав живую плоть,
Натешившись расправой,
Избрав своей забавой –
Калечить и колоть!
Уходит год-преступник,
Крушитель судьб людских;
Откупщик и отступник,
Фарцовщик, пайщик, спутник
Компаний воровских!
Год нищеты и стрессов,
Надежды и вранья,
И общих интересов

На уровне эксцессов,
Что делает свинья!
Но выступят премьеры
С докладом дел своих
И приведут примеры
Во славу новой эры –
И отоварят их!
В России много храмов,
У каждого свой лик.
Год уходящий ХАМОВ
Не смыл с лица земли.
Он их плодил и множил,
Любясь: «Эка рать!
Не зря, – гордится, – прожил, –
И тут же подытожил:
Не страшно помирать!»
Ушёл девяносто пятый,
Пришёл девяносто шесть.
Будь проклят ты, проклятый
Распинщик и распятый –
Изводу тебе несть!..
А Новый смотрит зорко
На дедовский завих
И дерзко катит с горки...
И как-то страшно,
Горько
За мёртвых и живых.

1996 г.

К ПРЕЗИДЕНТУ

Борису Ельцину

Эх, Президент!
Не государь.
Не государь Своей России.
Тебя опутала бездарь –
И перед нею ты бессилен.

Что предки кровью обрели,
Ты растерял, махнув рукою.
Чужими стали корабли
С российским флагом над кормою.

И Крым,
И гордый Севастополь
Ты не учёл, деля страну:
И соотечественников толпы
Теперь в заложниках, в плену.

Теперь они во мгле и ржави.
И зубы точит бывший брат:
Одни плюют в глаза державе,
Другие бунтами грозят.

Не государь... Не государь...
Один ты, как осенний колос...
Тобой взращенная бездарь
Всё круче поднимает голос.

Им – власть и деньги!
И сполна
Они страны большое тело,
Как псы! пока она больна, –
Рвут яростно и оголтело!

И не дадут тебе принять
И не поднять

Державной славы...
И начинает пух ронять
Отечества орёл двуглавый.

Не государь... Не государь...
Смешна напыщенность петушья!
С Россиею
Считались встарь!
Теперь она – нуда старушья.

Теперь она
Челом бьёт об пол,
Целуя руки за заём...
Смеётся чванная Европа
Над необъятным холуём!

И в том
Твоя
Твоя вина!
Ты сдал страну на расхищенье!
Через столетье,
Но она
Тебя потребует к отмщенью!

Эх, президент!
Не ум блистал
В твою блудливую эпоху...
Разбои,
Грабежи,
Развал
Ты затащил на пьедестал, –
И погрузил страну
В сполоху*!..

1996 г.

* Сполоха – беспокойство, суета, страх, поруха.

ЗАГАДКА

О, Русь – загадочное слово!
Не блудной моде дань отдать, –
Пытался
И пытаюсь снова
Твою загадку разгадать.
Интеллигент ли ты,
Крестьянин, –
Но с основанья бытия
Тебя, как донными сетями,
Скажи, какая сила тянет
В её убогие края?
Что в хмуром небе, что в метёлке
Серебряного ковыля?
Что в этой серой перепёлке,
Что эти редкие околки
И эти тощие поля?
Есть сказочная заграница!..
Но – словно курица в золе, –
Душа готова вечно рыться
В твоей неприбранный земле
Не из-за слитка золотого, –
Всего-то и найдёт она
Обыкновенного, ржаного,
Проросшего два-три зерна;
И, умиляясь как святыне,
Неискущённа и чиста,
Лишь ими станет жить
Отныне
И до могильного креста.
О, Русь! Коротенькое слово.
Четыре буковки в строке.
Как жилка крови на виске.
И может, в краткости
Основа
И смысл,
Не понятый никем?!

1996 г.

ДВОРЯНЕ

Лежат в земле и на земле
Господ дворян тела.
Да не изыдет ложь во зле
На все на их дела.

Кутили? – Да!
Стрелялись? – Да!
Но честь для них была –
Как незакатная звезда,
Как снег вершин –
Бела.

Превыше жизни и любви
Для них сияла честь!
С таким достоинством в крови
Теперь, скажите,
Есть?

1996 г.

ВОДА

Какая звонкая вода!
Едва прорезалась на волю,
Как огласила лес и поле,
Что завоюет города.

Какая светлая вода!
Струи – что солнечные нити,
Живой лазурью перевиты,
А ложе – мрамор и слюда.

Какая буйная вода!
Широкоскулая,
Косая,
Мостов устои сотрясает –
Неукротима и горда!

Какая тихая вода!
Когда разлившись в пол-аршина,
Бессильно роется в морщинах
Песчаных дна – смотреть беда!

Какая скорбная вода!
Последний блеск в эфир исходит,
Когда она под лёд уходит
И исчезает навсегда...
Какая разная вода!

1996 г.

ПЕРЕПУТЬЕ

Дмитрию Сергееву

Колдобины,
урманы,
пади;
речной накат и бурелом
пока не брызнули на пряди
нерасторимым серебром.

Легки подъёмы и походка,
и глаз играет озорством!
Сейчас
к тебе
подкатит тройка –
и ты умчишься.
С ветерком!

Ты ждёшь её на перепутье.
И вдруг возникшая строка,
оград проламывая прутья,
звенит – остра и высока!

Ей не страшны тенет угрозы,
не раз бывавшей на кресте;
лишь не унизиться до прозы
и не сломаться в суете.

Естествен,
тонок,
актуален,
спокоен в образе речей,
ты – как никто – монументален
среди сургутских рифмачей!

2006 г.

ЗВЕЗДЫ

Сергею Сметанину

В душистой неге майской ночи,
Когда все звёзды на виду, —
я к небу вздымаю очи
и там ишу твою звезду.

Есть мельче звезды,
есть крупнее;
твоя звезда тебе под стать.
Она — твоя! И не тускнеет,
хотя и рядом и над нею
другие яростно горят.

И я нашёл её!
И вижу
с российских пашен и полей.
Она есенинской пониже, —
но чем-то родственная с ней.

Она — живое отраженье
души, горящей на Земле,
Не поддающейся с рожденья
ни очерствению, ни мгле.

Она
в проёмы моих окон
свой свет лила и будет лить,
и грозной тучи чёрный локон
её не в силах заслонить.

Я радуюсь.
И тронут очень,

что среди звёзд
твоя звезда
в чарующей пустыне ночи
на русском небе
навсегда!

2007 г.

СТРАХИ

Вылезут все из-за печки,
Из-за гниющего пня;
Выползут раки из речки,
Небо лишится огня;

Будут сухой и холодной
Серой тебя осыпать;
Ты, как ребенок голодный,
Будешь искать свою мать.

Будешь искать...
Но пустыня
Свалит тебя языком
И над тобою застынет
Жарким зыбучим песком.

1996 г.

ВПЕРВЫЕ

Народился месяц —
Заграл в рожок,
Звёздочки по небу
Он собрал в кружок.

Народился птенчик
И воскликнул: «Ой!»
Белая рубашка,
Чепчик золотой.

Народилась травка,
Прошептала: «Ах!»
Капельки-росинки
Стынут на губах.

Народилась дочка,
Закричала: «А-а-а!»
Мамина забава,
Мамина судьба.

Тени, как ресницы,
По лицу земли.
Всё, что народится,
Пусть живет в любви.

Пусть не знает горя
Всё, что в мир пришло.
Солнышко в окошке
Радугу зажгло.

1996 г.

ЗАЙЧОНОК

Он вмялся в травы между двух сосёнок.
Его защитой стали деревца.
И вот
в ладонях у меня
Зайчонок, —
Малыш – не более куриного яйца.
Не вырывался он,
Не собирался
Бежать,
Не колотил его испуг:
В тепло ладоней человечьих
Вжался,
В живую плоть
Его поднявших рук.
Товарищи толпились и смеялись:
«Запишем, мол, в бригаду!
Быть тому!»
А, расходясь, тихонько улыбались,
Не зная и не ведая – чему?
Живой комок – подобие игрушки, —
То вздрагивал, стремясь удобней лечь;
То вскидывал поочерёдно ушки,
Как силился понять:
О чём тут речь?..
Ворочался участок в грозном действе:
То вниз сползал,
То пробивался вверх;
Никто замечен не был в фарисействе.
И делал дело общее для всех.
Баражались чудовища из стали –
Ревели,
выли,

Рвали лоб гольца...
Я знаю: век мой
не сентиментален,
Но есть на свете
Добрые сердца!

1996 г.

АЛИК

Алик – подъездный ребёнок.
Сколько их на Руси
бродят почти что с пелёнок?
Боже,
их души
спаси!

Мамы гуляют и пляшут,
спились вчистую отцы.
Тихо в колясочной плачут
ночью слепой сорванцы.

Дети – птенцы без гнездовья.
В чём их мирская вина?
Спесь ли,
судьбина ли вдовья
их опустила до дна?

Алик!
В мире огромном
жить тебе и расти...
Тех, кто помог тебе,
помни;
тех, кто обидел, –
прости.

2003 г.

КОТЁНОК

В глухи коридорных потёмок,
где мусор,
где уголь в запас,
откуда-то взялся котёнок,
сияя бездонностью глаз.

Так ласков он был,
так наивен
и так доверялся всему,
что думал: как он,
так взаимен
и каждый быть должен к нему.

О жизни он знал так немного,
ещё не болел, не грустил
и каждого лапкою трогал,
кто мимо него проходил.

Беспомощный,
хрупкий,
вихлявый, —
он вскидывал мордочку вверх
и жалобно так, так пискляво,
как будто замаливал грех —
мяукал...

А люди спешили
на празднество, на торжество...
они очень заняты были
и не понимали его.

1999 г.

ОЗАРЕНИЕ

И пусть я не оригинал
И не так мудр,
Как змей ползучий...
Я в небе голос услыхал
И обозначил,
И озвучил.

1996 г.

СЫН ПЛАНЕТЫ

Константину Бальмонту

Как под рукою веник,
Как острорёбристъ скал, –
Он был мой современник,
А я, увы! – не знал.

Громадные глазищи
И космы, как снега...
Я без него был нищий,
Да поздно стал богат.

Стихов его кораллы
Упруги как ужи.
О, как нас обокрали
Немудрые мужи.

Им виделось: безумец!
Слащавец и слизняк...
А он держал трезубец
Как поднебесья знак!

А он глядел без спеси
На Запад и Восток,
И огнеликих песен
Растил живой исток.

В них бури бушевали,
К земле клоня леса,
И молны вышивали
Крутые небеса.

И гнили лепрозорий
И маркитанток блеск;
И мировых историй
Карибский переплеск.

Он знал и видел много,
Но перед ним легла
Та – Млечная дорога,
Что к родине вела.

Но всё уходит в Лету...
И в жизни не впервой
Великому поэту
Заказан путь домой.

Уже в широкой славе
Не увидать красы,
Где рожь готова к жатве,
И где звенят овсы.

Где ярые рассветы
Взрывают темь и сплин,
Как он – родной планеты
Неповторимый сын.

1994 г.

ПРОЗРЕНИЕ

Я томик Хлебникова взял
И ощутил, как бьётся слово.
Как будто я достал язя
Из глубины реки...
Живого.

И ощутил я серебро
И золотой отлив,
И охру,
И человечее добро,
Злу от которого оглохнуть!

Я ощутил живой янтарь
В колеблющихся волнах хлеба,
И начертание креста
На ясной половине неба.

Я ощутил дыханье трав
И взгляд цветов на белом теле.
Я ощутил разбег утра
Себя продолжившего в деле.

Механиков и рыбаков,
Крестьян, идущих бороздою,
В молении духовников
И в восхождении звездою

Того, чьё имя – человек
В обыкновенном человеке.
И продолжается тот век
Уже в ином –
Не нашем веке.

1993 г.

РОССИЙСКОЙ МОЩИ РЕЧЬ

Памяти И. Бродского

Иосиф...

Умер ты, Иосиф,
На переломе перемен,
Сей тёмный мир навек забросив,
Приняв бессмертие взамен.

Иосиф...

Много ли людского
Тебе при жизни досталось
В стране, где в цепи был закован,
Где строй евреями основан,
И где родиться привелось?

Ты помнил день Петров и Проклов
И мглистый северный туман, –
Но ты страну эту не проклял,
Уехавши за океан.

И не заморских рун и реплик –
Поэзия большой руки.
В тебе
Твоей земли
Окрепли
Живительные родники.

Из них свистала и хлестала
Твоя
Российской мощи РЕЧЬ –
И довела до пьедестала,
Чтоб для потомков уберечь.

Теперь ты нем...
И всуе – чужды
Тебе столичные столы,
И умиляться нету нужды
На запоздалые хвалы.

12.02.96 г.

ДЕРЗАТЬ!

Георгию Ешилову

Когда умолкнут клики оргий,
Когда любви прервётся нить, –
Георгий, милый мой, Георгий,
О чём жалеть? О чём тужить?

Да. Мы – не в мае; не в июле;
Октябрь наш близится к концу...
Но, если чувства не уснули –
Понурость явно не к лицу!

Пусть лоб морщинами истерзан.
Но какова лучавость глаз!
То – значит: корень не подрезан
И не иссяк любви запас.

То – значит – то:
Что мы живучи,
любвеобильна наша речь,
И страсти наши – злы и жгучи, –
Готовы ринуться и жечь!

И так же, как в былые годы –
Огонь желаний бродит в нас...
О, милый друг!
От чар природы
Нам не уйти по смертный час!

Пока есть капля жизни в теле –
Мы будем подданными чувств;
Лишь крышка гроба
Нас отделит
От счастья:
Пить из женских уст.

2000 г.

ЖИЗНЬ

*Памяти Анатолия Афанасьевича
Алексеева, моего друга*

Вышним Духом наш путь осенён,
В мир приходим с какой-то задачей
В развороте победных знамён
И вселенского смеха и плача.

Нас Земля принимает как МАТЬ,
Грудь свою под стопы подставля;
Мы ж её не хотим понимать,
Огорчаясь, глумясь, удивляя.

А когда наступает наш срок
Успокоиться от треволнений,
Соберётся она в бугорок,
Как родная, припав на колени,

И уже не отпустит вовек
И вовеки веков не осудит,
Что куда-то спешил человек
И топтал её белые груди.

28.01.05 г.

ЧТО ПОСЛЕ?

Я знаю:
скроют – не вспомнят.
Да стоит ли вспоминать
фаната прокуренных комнат,
где книги, перо да кровать;

Где грели чаи
и селёдку
варили в железной воде;
где пили стаканами водку
назло и нужде и вражде;

где женщин любили до всхлипа
и до истощенья души,
и – пели – до стона, до хрипа,
и до пораженья тиши;

где под ноги падали звёзды,
по-птичью взлетая в окно;
где грозной поэзии воздух
сверкал как ножа полотно!

И были на пальцах порезы,
и раны сквозные в сердцах –
звенело живое железо,
как тройка в лихих бубенцах!

И что-то клубилось,
дынилось –
как будто вселенский котёл
являл нам и страх,
и немилость,
и сети паучии плёл.

Я знаю:
схоронят – не вспомнят...
Но тень моя,
дух неземной
как солнечный зайчик
из комнат
по миру
польётся за мной.

1987 г.

ПОТЕРЯ

Душа по дому бродит, бродит,
в углы толкается его, —
но ничего в нём не находит —
в нём нет святого ничего.

Углы темны и глухи к боли,
За дверью мрак и пустота...
И вот она выходит в поле,
где ночь
бездонна и чиста.

Идёт,
крадётся неторопко,
по сторонам глядит, скорбя.
На травянистой
росной тропке
она увидела себя!

И подойдя к себе вплотную,
установила глаза в глаза.
«Не знаю, — молвила, — такую», —
и повернула шаг назад.

Вошла спокойно в лифт,
на кнопку
нажала слабою рукой, —
и вновь в бетон вступила робко,
и вновь наполнилась тоской.

1987 г.

ЗАКАТ

Подходят дни мои
к небытию.
Все подвиги
остались за плечами.
Уже не предаюсь я
питию,
и – пьяный,
не брожу теперь ночами.

Уже я тих, как стылая вода,
и низок,
что трава на огороде;
в штакетный ряд
построились года:
начало – аж за горизонт
ходит.

К нему
не докричаться, не дойти,
и что ни шаг –
оно всё отдалённей;
увидеть хочешь?
Лучше расхоти!
Заплачет глаз
печально-воспалённый.

Навстречу мне
всё реже тень друзей;
всё чаще –
незнакомые мне лица...
Король устал
от пешек и ферзей,
сошёл с доски,
и в храм спешит –
молиться.

1987 г.

БЕССОННИЦА

Марии

Луна опять зашла за облака.
Оттуда выплывет она само собою.
Любимая, люби меня пока,
Пока с тобою я,
Пока с тобою.

Не знаю, что придумала нам ночь,
Когда глаза позавязала звёздам?
Любимая, когда вокруг темно, –
Косматым зверем
Кажется мне воздух.

Как смрадно дышит он в моё лицо,
Как лапами нащупывает горло...
Любимая, пусть рук твоих кольцо
Обережёт ото всего,
Что подло.

И дня не помнится, чтоб жизнь была легка.
Я прожил так, как суждено судьбою.
Любимая, люби меня пока,
Пока с тобою я,
Пока с тобою.

1987 г.

НАЧИСТОТУ

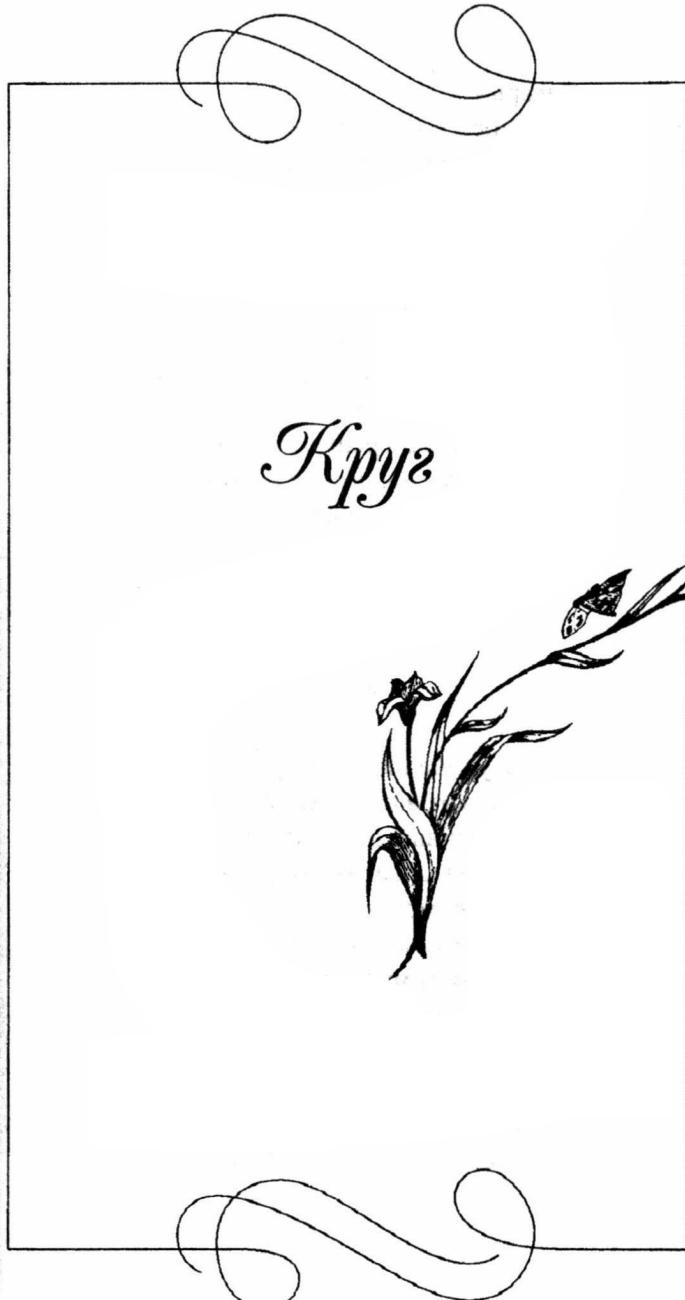
Мой друг!
Не выходи из стремени,
Хоть дрожь в спине и меркнет ум,
Давай, поговорим о времени,
Давай сольём потоки дум.

Давай не будем половинные,
Переходя за ту черту:
Мы в нашем времени
Повинные –
Сознаемся начистоту!

Смертельно знаю:
Мы устали на
То переправах, то в боях...
Но, друг мой!
Всё валить на Сталина –
Не есть ли паралич в мозгах?

1995 г.

Круг

Январь –
Младенец в пухлых пеленах,
Звездой Полярной посланный на Землю.
Ты – есть начало круга на часах,
Твоим мгновеньем я с любовью внемлю.
И в пеленах,
Под рогом золотым
Луны, тебя ведущей по заснежью, –
Порой обдашь ты холодом крутым,
Порой плеснёшь расслабленною нежью.
Я вижу, как безгрешен ты и чист,
И так прозрачен, что не может речи
Идти о том, что ты не белый лист,
Где расшибутся страсти человечьи.

* * *

На улице лихой февраль.
Заложит в сани белогривых –
И снежный дым окатит даль
Из-под копыт коней ретивых.
Ударит мощный коренник
Копытом кованым о землю, –
И тройка мчится напрямик,
И скакет выюга за метелью!
И горизонт – вблизи руки,
И – ни прохода, ни проезда!..
Лишь колокольчиков звонки –
Как вопли слабого протеста.

* * *

Март сам собою так хорош,
Так щедро одарён природой,
Что иногда бросает в дрожь
Перед классической породой!

Он – разрушитель и буйн,
И созидать умеет крепко;
То – трезв, как стёклышко,
То – пьян;
То шапка набекрень, то – кепка.

То он наивен, как юнец,
То мудр, отчаян и расчётлив,
То неподвижен, наконец,
И неожиданно увёртлив.

* * *

Снега в Апреле пахнут прелью,
В проталинах земли бока;
Весёлые – под стать Апрелю, –
Резвятся в небе облака.

Деревья встали нараспашку
И ждут, – теперь им не до сна, –
Когда их в новую рубашку
Оденет странница-весна.

Уж воздух по утрам не стынет
И полдень – ярок и высок;
Ручьи рычат, как львы в пустыне
И роют лапами песок.

* * *

О Май!
Фуражка набекрень.
Из-под фуражки – рыжий кудерь.
Любимец сёл и деревень
И городов почётный сударь.
Гуляка. Блудень. Фаворит.
Презрев угрозы и проклятья,
Бросаешь в душные объятья
Смиренно-строгих *сеньорит*!
Не зная убыли в рублях,
Язычески любя свободу, –
И в наших северных краях
Ты не светлишь, а мутишь воду!
И мутишь души и умы,
И так сердца воспламеняешь,
Что – смертный – факелом сияешь!
И раздвигаешь гроздья тьмы!
О Май! Любимец и изгой,
Рассыпав чары полнолуния, –
В апреле ты одной ногой,
Другой на стойбищах июня.

* * *

Смотрит искоса Июнь,
Смотрит, будто отрешенный,
Как летает белый лунь
В естество своё влюблённый.
Время свадеб позади,
Надвигаются заботы;
Их несчтно впереди –

Сплошь отлёты, да прилёты!
Выводок так хочет есть,
Что летя в гнездо, обратно, —
Даже некогда присесть
Счистить с перьев крови пятна.
Смотрит искоса Июнь
И своей доволен ролью,
Что при нём во блеске лун
Каждый вознесён любовью.

* * *

Июль — какие грозы,
Какой в межгрозье зной!
Отсвечивает небо
Горячей белизной.
Деревья попривяли,
Дремотные стоят;
Ветра в грозу устали
И где-то сладко спят.
Когда же ночью тихо,
Луна когда полна, —
Белым-бела гречиха,
Как пенная волна.
Над головой скрижали.
Какая тайна в них?
И зреют урожаи
В колосьях наливных.

* * *

Август...
Хлебный запах
И крестьянский пот.
Божия заповедь:
«Возьмите тот,
Кто трудился в радость,
Не жалел живот...»
Полукружье радуг
С веток росы пьёт.
Отсырели зори,
Приосела пыль,
Плещется во взоре
Серебром ковыль;
Птичья песня спета.
Проседь в листьях крон.
Захлебнулось лето
До иных времён.

* * *

Сентябрь...
Ещё высок полёт,
Ещё в избытке сил и страсти,
Но чувствуется переход
К возникновению новой власти.
Пока величество его
В себе самом таит кумира.
Но как ни сладко наверху,
Как ни далёк конец печальный, —
Уж ветер лезет под стреху,
Как под крыло певец опальный.

* * *

Октябрь...
Ни холод, ни тепло;
Уж временами снег кружится,
И луж застывшее стекло
Под низким Солнцем золотится.
На кедрах тёмная хвоя
Хрустальным инеем покрылась,
Как будто голова моя
До времени осеребрилась.
Всё реже гуси со двора
Стекают к озеру напиться...
Пришла пора... пришла пора...
Пришла пора оstepениться!

* * *

Ноябрь...
Низовый ветерок,
Как спохватившийся с ночлега,
Закручивает в завиток
Роскошные пушинки снега.
Под роскошью пушинок – наст,
Тяжёлый, старый, неподвижный,
И добровольно не отдаст
Своей жеманности булыжной.
Он вас заставит уважать
Себя без вызова и злости,
И так ладонь сумеет сжать,
Что и в печатках хрустнут кости!
С ним шутки плохи.
И тому,
Кто пожелает с ним схлестнуться –
Не по нутру, а по уму
Одеться надо и обуться.

Пелены превратились в одежды,
В белый саван – убор декабря;
Поистлели, помёрзли надежды,
Почернела, померкла заря.
Два луча, как две острые сабли.
Держат руки их – зла и добра.
Грудь ослабла, колени ослабли,
Как далёко ещё до утра!
И дождусь ли я светлого утра,
И омою ли прах с ног и рук?
Непредвиденно, загодя, мудро
Надо мною смыкается круг, –
Круг один в продолжение года.
Сколько их в данный Небом мне век?
То погода, то непогода...
Чем ты жив, родной человек?

Строфы

* * *

Луна давно ушла за горизонт.
На небе ярко светит Орион.
А на Земле, где травы и цветы,
Видны лишь двое: это я и ты.

* * *

Я сделал зло – и слышу голос твой:
«Любимый мой, а ты ведь не такой».
Два зла я сделал; голос твой опять:
«Любимый мой, ты не такой.
Присядь».

* * *

О, женщина! Ты ночь, что таинства полна;
Ты – свет, чья гибельна, но сладка глубина;
Ты – книга, опьянившая меня,
Читаю век – и не могу понять.

* * *

Глаза лазурные и лик небесен.
Не будь тебя –
Мир был бы сир и пресен.
Но ты живёшь, ты ходишь наяву,
Смотрю в твои глаза – и сам живу.

* * *

Любовь? О, нет! Я больше не люблю.
Нарушу слово – сам себя убью.
Но ты прошла – и я забыл о клятве.
Люблю! Люблю!
Что мне небес проклятье!

* * *

Я вновь к тебе пришёл, но я уже не тот.
Кто вышел из ворот,
Тот прежним не вернётся.
Всё та же звезда горит,
Всё тот же скрип ворот,
И только юность новая смеётся.

* * *

Я за свои труды награды не ищу.
По общей колее за славой не ташусь.
Живу, работаю, люблю – чего ещё?
Не в личной выгоде, а в общем деле счёт.

* * *

Я с солнцем выхожу, с луною возвращаюсь.
То сею, то пашу – среди забот врачаюсь.
Мне сладок труд земной – я для него родился.
Что стало бы со мной, когда бы я не трудился?

* * *

Я видел чёрный сон:
все прокляли меня;
кто колом, кто плевком –
все гнали от огня,
как будто я убил иль уличён я в краже...
я от людей бежал,
а от себя – куда же?

* * *

Сто тысяч раз обдумывал я мир
И формулу свою соорудил:
Орёл – сонет в голубизне парящий,
А человек – цветок, сонеты говорящий.

* * *

Есть сбруя для коня,
и есть для сбруи конь.
Пропорция во всём – гармонии закон.
И если эту правду не возлюбишь –
коня не сбережёшь и сам себя погубишь.

* * *

Чудак!
Кто жизнь стремится обхитрить,
кто сам себя желает убедить,
что он не то-де,
он-де только это!
Проходит жизнь – его не видно где-то.

* * *

Коса нашла на камень – и на месте!
А камень тот лежит годков за двести.
«Посторонись!» – она ему шипит.
А он не слышит, он как будто спит.

* * *

Любой конец,
каким бы ни был он,
печален по сравнению с началом.
Ведь у конца из досок небосклон,
а у начала крылья за плечами.

* * *

Сгорело всё: и дом сгорел, и сад.
Чернее галок головни торчат.
Земля и та как будто нежива,
лишь, словно звёзды в ночь,
проклонулась трава.

* * *

«Что истина? Кто точный даст ответ
бессмертьем награжу».

Мудрец смеётся: «Не-ет...

Нет, не ступлю я на стезю пророка,
чтоб голову не срезали до срока».

* * *

Всё как и встарь – так мало перемен.
Медовит медь. Безумствует безмен.
На свет других являются судить,
Кто должен сам без головы ходить.

* * *

Когда тебе подставят стул судьи,
ты сам себя сначала осуди.
Судьёй пусть будет не рассудок – совесть,
тогда других суди, не беспокоясь.

* * *

О, жизнь!
Мелькаешь ты за мигом миг.
Кто смят тобой уже. Кто только лишь приник.
Тебе на всё плевать; ты не весло – волна,
в движении своём капризна и вольна.

* * *

А ну, пловец, ударь мощнее по волнам,
ведь ты своим веслом мир делишь пополам.
За тихой гаванью грохочет гордый норд:
Что старое – назад, что новое – вперёд!

* * *

Стоят две мачты. Далеко стоят.
По проводу о чём-то говорят.
А мы с тобою рядышком стоим,
Но что-то ни о чём не говорим.

* * *

Судьба ли, рок? Как хочешь, назови.
Но если нет в душе твоей любви, —
не обращайся с пустотою к року —
любить другому уступи дорогу.

* * *

Кто не глупец, о том тот не кричит,
умён кто — об уме своём молчит;
а кто дурак, тот как пустая бочка
громит до неба, наскочив на кочку.

* * *

О помоши просить не надо небеса.
Есть руки, ноги у тебя, глаза,
и голова есть. Что же ещё надо,
чтоб отошла печаль,
чтоб зазвенела радость?

* * *

Смотрю на волны: всё бегут, бегут;
а море — словно сутки из минут,
секунды-капли кружат по лицу...
Жизнь началась и движется к концу.

* * *

Да! В мире не любовь главенствует –
расчёт!
Любовью правит Бог, расчётом правит Чёрт.
Смотри, тебе решать: с кем и куда идти, –
ведь самому держать ответ в конце пути.

* * *

Я видел сотни раз, как мы недалеки,
как простирался ум не далее руки,
как ослеплённый он вдруг принимал решенье,
за коим кровь и смерть; страданье и крушенье.

* * *

Божился честный: «Нет честней меня!
Коль в чём не честен я – сгорю пусть от огня».
Однажды прохожу, где в честности он клялся:
Лишь черный уголёк ото всего остался.

* * *

Одели город мы и в камень, и в бетон, –
И радости полны, что так прекрасен он!
Рассудок о его величии кричит,
И только лишь душа молчит, молчит, молчит.

* * *

Оранж перехватили у голландцев,
Богдана булаву забросили в чулан.
Хохлы, хохлы! Отпетые поганцы,
Предавшие Соборный хор славян.

* * *

С языком страшно
заводить шашни.
Язык привык,
Чтоб с ним на «Вы».

* * *

Всю жизнь ума и чувств
Я в строки затворю.
Пока живу – молчу,
Помру – заговорю.

* * *

Из какого я семейства?
Из семейства незлодейства,
Из семейства доброты –
Из которого и ты.

* * *

Двадцатое – прости меня – столетье,
Когда в сердцах померк Господень свет.
Растили душу мы тысячелетье,
Растили душу – за десяток лет.

* * *

Из тьмы вокруг меня всего
Одно бы я возвёл в знаменье:
К судьбе народа своего
Быть безучастным – ПРЕСТУПЛЕНИЕ!

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-------------------	---

Напевы ивовых предмestий и просёлков

Ива	6
Здравствуйте	8
На Прясле	9
Невеста	10
Обретение	11
На свидание	12
Борение	13
Угар	14
Томление	15
Радость	16
Муравей	17
Жизнь	19
Переполох	20
Несовместимость	21
Насущность	22
На покой	23
Падение	24
Пожелание	25
Перед зарёй	26
На восходе	27
Раны	28
Тайна	29
Помни!	30
Навсегда	31
Окраина-обочина	32
На просёлках	33
Памяти И. Северянина	34
Знать бы	35
Гонки	36
Так всюду	37
Ожиданье	38
Факт	40
Отражение	41
Деревня	42
В зимний день	44
Испытание	46
На кругу	47

Ночью	48
Нужда	49
Предместье	50
В поле зрения.....	51
Сближение	52
Обман	53
Без нас	55
Череда.....	56
Ковыли	57
Нивы	58
Пчела	59
У могилы.....	60

СОНЕТЫ

Сонет № 1	64
Сонет № 2	65
Сонет № 3	66
Сонет № 4	67
Сонет № 5	68
Сонет № 6	69
Сонет № 7	70
Сонет № 8	71
Сонет № 9	72
Сонет № 10	73
Сонет № 11.....	74
Сонет № 12	75
Сонет № 13	76
Сонет № 14	77
Сонет № 15	78
Сонет № 16	79
Сонет № 17	80
Сонет № 18	81
Сонет № 19	82
Сонет № 20	83
Сонет № 21	84
Сонет № 22	85
Сонет № 23	86
Сонет № 24	87
Сонет № 25	88
Сонет № 26	89
Сонет № 27	90
Сонет № 28	91

Сонет № 29	92
Сонет № 30	93
Сонет № 31	94
Сонет № 32	95
Сонет № 33	96
Сонет № 34	97
Сонет № 35	98
Сонет № 36	99
Сонет № 37	100
Сонет № 38	101
Сонет № 39	102
Сонет № 40	103
Сонет № 41	104
Сонет № 42	105

СТРОКИ ЛЮБВИ 1969 г.

«Земля – людская колыбель...»	107
«Россия на земле – одна...»	108
«Ответь мне: ты зачем пришёл...»	109
«О, эта медленность полей!...»	110
«Сады плодами не грешны...»	111
«Луга зелёные насквозь...»	112
«На заливных лугах стада...»	113
«Я Родину не выбирал...»	114
«Её пытали молодую...»	115
«В твоих степях остались кости...»	116
«Врага я должен знать в лицо...»	117
«Всё это так и всё не так...»	118
«Что быть мешает откровенным?...»	119
«Шагами меряю пространство...»	120
«Мы все в ответе перед ней...»	121
«А ведь стоял он, год Китеж...»	122
«Сказала женщина: люблю...»	123
«Веками я прошу: люби...»	124
«Кладу лицо в твои ладони...»	125
«Вишнёвый сад – как вешний омут...»	126
«Берёз бездонная прозрачность...»	127
«Лицо я к небу запрокинул...»	128
«Едва заря забрезжит в небе...»	129
«Обожествляю лик жнеца...»	130
«Осело лето золотое...»	131
«У журавлей тоска по небу...»	132

«Ах, поле, поле!..».....	133
«О, глаз твоих закатный взгляд!..»	134

ЗА ЧЕРТОЙ

Настрой	136
Пырей	137
Кажется, или	138
Камни Красной пощади.....	139
Не оттолкну	140
Одуванчик.....	142
Орёл.....	143
Мнение	145
Пространство.....	146
В лесу	147
Вздох	148
Предновогоднее.....	149
Старики	150
Славяне.....	151
Счастье	153
Аксиома.....	154
Видение	155
Дорога	156
Ночью	157
Сострадание.....	158
Поезд	160
Поток	161
Суждение	162
Ностальгия.....	163
Речка Моховая	164
Недоумение.....	165
Из рук в руки	166
К Президенту	168
Загадка.....	170
Дворяне	171
Вода	172
Перепутье.....	173
Звёзды.....	174
Страхи	176
Впервые.....	177
Зайчонок.....	178
Алик.....	180
Котёнок.....	181

Озарение	182
Сын планеты	183
Прозрение	185
Российской моши речь.....	186
Дерзать!	187
Жизнь	188
Что после?.....	189
Потеря	191
Закат	192
Бессонница	193
Начистоту	194

КРУГ

Январь	196
Февраль	196
Март.....	197
Апрель.....	197
Май	198
Июнь.....	198
Июль	199
Август.....	199
Сентябрь.....	200
Октябрь	200
Ноябрь	201
Декабрь	202

СТРОФЫ

«Луна давно ушла за горизонт...»	204
«Я сделал зло – и слышу голос твой...»	204
«О, женщина! Ты ночь, что таинства полна...»	204
«Глаза лазурные и лицо небесен...»	204
«Любовь? О, нет! Я больше не люблю...»	204
«Я вновь к тебе пришёл, но я уже не тот...»	205
«Я за свои труды награды не ищу...»	205
«Я с солнцем выхожу, с луной возвращаюсь...»	205
«Я видел чёрный сон...»	205
«Сто тысяч раз обдумывал я мир...»	205
«Есть сбруя для коня...»	206
«Чудак!...»	206
«Коса нашла на камень – и на месте!...»	206
«Любой конец...»	206
«Сгорело всё: и дом сгорел и сад...»	206

«Что истина? Кто точный даст ответ...».....	207
«Всё как встарь – так мало перемен...».....	207
«Когда тебе подставят стул судьи, –...»	207
«О, жизнь!..»	207
«А ну, пловец, удар мощнее по волнам...».....	207
«Стоят две мачты. Далеко стоят...»	208
«Судьба ли, рок? Как хочешь, назови...»	208
«Кто не глупец, о том тот не кричит...»	208
«О помохи просить не надо небеса...».....	208
«Смотрю на волны: всё бегут, бегут...».....	208
«Да! В мире не любовь главенствует –...»	209
«Я видел сотни раз, как мы недалеки...».....	209
«Божился честный: «Нет честней меня!..»	209
«Одели город мы и в камень, и в бетон, – ...»	209
«Оранж перехватили у голландцев...».....	209
«С языком страшно...»	210
«Всю жизнь ума и чувств...»	210
«Из какого я семейства?..»	210
«Двадцатое – прости меня – столетье...»	210
«Из тьмы вокруг меня всего...».....	210

Михаил Кузьмич Антохин

ОКРАИНА-ОБОЧИНА

Стихи

Редактор С. Е. Сметанин

ISBN 978-5-7142-0945-1

9 785714 209451

Подписано в печать 8.02.2008 г. Формат 84x108^{1/32}. Гарнитура "Таймс". Бумага ВХИ. Усл. печ. л. 11,32. Уч.-изд. л. 12,96. Тираж 250 экз. Заказ № 2014.

Издательство ОГУП "Шадринский Дом Печати", 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6.

Отпечатано с готового оригинал-макета в ОГУП "Шадринский Дом Печати" комитета по печати и средствам массовой информации Курганской обл., 641870, г. Шадринск, ул. Спартака, 6, тел. 6-33-51.

